

Сигнальный

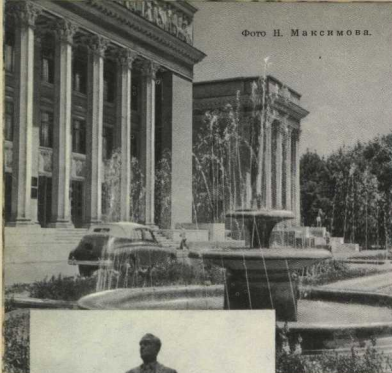


СМЕНА

4

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Дом правительства.



Здание Таджинского государственного медицинского института.



Памятник
В. В. Куйбышеву.



Площадь
имени Москвы.

МОЛОДАЯ СТОЛИЦА

Много в нашей необъятной стране молодых городов, существование которых началось после Великой Октябрьской революции. Один из них — Сталинабад, столица Советского Таджикистана.

Летом 1922 года части Красной Армии, разгромив последние остатки басмаческих банд, вошли в таджинский кишлак Дюшамбе. Саванные кибитки, ирригационные плулки, глинобитные заборы и дескток запляменных чинар — такая картина предстала перед глазами бойцов.

Прошло несколько лет, и на месте полуразрушенного кишлака возник большой благоустроенный город, ставший политическим, хозяйственным и культурным центром молодой республики.

Там, где прежде в тесных улочках кишлака с трудом могли развехаться два всадника, пролегли асфальтированные магистрали, обрамленные тополями, кленами, акацией.

Укрытые надежным зеленым занавесом, повсюду вьются новые дома. Ушли в прошлое низкие глиняные мажаны. Их сменяют двух- и трехэтажные здания своеобразных архитектурных форм, украшенные тонким национальным орнаментом.

Сталинабад — крупнейший промышленный город Таджикистана. Здесь работают десятки заводов и фабрик, оборудованных современными станками и механизмами. Широко раскинулись просторные корпуса текстильного комбината.

Дюшамбе в переводе на русский язык означает «вторая ночь». Темной, как ночь, была жизнь местного населения. Советская власть принесла сюда свет новой, социалистической культуры. Таджинки впервые получили возможность учиться на родном языке. В Сталинабаде сосредоточено множество научно-исследовательских институтов, вузов и техникумов, готовящих специалистов различных профессий: агрономов, педагогов, врачей. В прошлом году состоялся первый выпуск студентов Таджинского государственного университета. Большая научная работа ведется в республиканской Академии наук. На сценах трех столичных театров идут пьесы Шекспира, Островского, Горького.

На строительстве здания Государственной публичной библиотеки.



Они будут голосовать
впервые.
Фото А. Моклецова.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Февраль. № 4. 1954 год.

Год
издания
31-й

ЗВЕЗДЫ КРЕМЛЕВСКИЕ



ПРАЗДНИК МОЛОДОСТИ

Зеленые, красивые, синие кусочки стекла вставлены в оконную раму. Ярко расписанные стены, низкий сладчайший потолок. На резной скамье Думной палаты сидит боярин, расстегнув расшитую золотом шубу.

Вдруг, звонко застучав каблуками по каменным плитам, в палату вбегает раскрасневшаяся девушка с веткой живой сирени, приколотой к белому платью.

— Володька! — со смехом кричит она. — Мы тебя ищем. Идем танцевать!

И «боярин», подхватив под

руку девушку, спускается по винной лестнице во Владимирский зал. А там кипит веселье. Сегодня в Кремле студенческий бал.

Кремль! С каким воодушевлением произносим мы это слово! Где бы мы ни были, но, вспомянув Москву, мы всегда мысленно видим овеянный славой Кремль. Здесь жили и работали гениальный вождь советского народа Ленин и его сподвижник Сталин. Здесь собирается делегаты партийных съездов и депутаты Верховного Совета СССР решать дела страны. У кремлевских стен

проходят мы под красными знаменами в дни наших праздников и торжеств.

А сегодня двери Большого Кремлевского дворца вновь гостеприимно раскрыты для молодежи. Вновь впускают в свои залы участники необычного бала в Георгиевский зал и останавливаются, пораженные великолепным убранством, блеском ажурных аласт, краской беломраморных стен. Но звучит музыка, и, преодолев первое смущение, студенты выливаются в общий праздничный поток, бурлящий смехом и весельем.

Трудно было усесться за

всем, что происходило в этот вечер в Кремле. В каждом зале дворца — что-то свое, яркое, незабываемое.

В гости к молодежи пришли известные артисты, музыканты. Вместе с мастерами искусства в концертах участвовали и коллективы художественной самодеятельности.

Только что Тамара Бальшакова слушала Ивана Семеновича Колосовского, и вот уже вместе с друзьями — студентами Училища имени Баумана — она выступает сама, с увлечением исполняя городскую кадриль.

Взявшись за руки, гуляют по Святлым сеням две подруги — студентки Авиационного технологического института — Тамара Гординок и Зина Демьяновская. Скоро их очередь выступать.

Широко развернувшись, сверкающие перламутром певучие аккордеоны. Под нарядными сводами развиглается мелодия плясового вальса. Кружатся пары, и среди них юноша и девушка, одетые в цветные национальные костюмы. Это казачка Каара Кошубасова и танцор Асия Камалов. Они приехали учиться в Москву из разных республик, но Москва сблизила их, сдружила — недаром весь вечер они танцуют вдвоем.

Гостеприимна Москва! Немаю здесь и студентов — посланцев стран народной демократии.

Студент Горного института корейс Хи Доа Юнг родился в дальнем Пхеньяне. Второй год он учится в Москве, а у него уже много хороших друзей. Вот он вместе с Верой Ключко, студенткой Института цветных металлов и золота, осматривает чудесный Кремлевский дворец. Прекрасна архитектура древних соборов, замечательны фрески, украшающие Грановитую палату; удивление вызывает искусная работа старых русских мастеров, созданных царь-пушки и царь-колокол. Особенно восхищались студенты в Оружейной палате: здесь собраны реликвии русской славы, военные трофеи, неприятельские знамена, богатейшие коллекции оружия, посуды, всевозможные изделия прошлых веков.

Как странно в древнем дворце видеть мирно примостившийся на столике современный телефонный аппарат!

— Ах! — кричит в трубку албанец Перик Шети. Он звонит в общежитие медицинского института. — Позовите кого-нибудь из шести-двух девятой комнаты! — Шети очень понравился молодежный бал, и ему не терпится поделиться своим восторгом с товарищами.

До поздней ночи продолжается свистящийся шумный танцевальный вечер, и заглушая все звуки, вдруг звучат звонкие песни, подхваченные сотнями молодых голосов. Была в эти дни радость и благодарность. Отлично на счастье! Жизнь светлеет, солнечное будущее.

СВЕТЯТ НАД НАМИ



СЧАСТЬЕ

В это солнечное морозное утро широкая Красная площадь выглядела особенно красивой. Величественно вырисовывались на чистом небе разноцветные купола храма Василия Блаженного. Пышные шапки снега лежала на острых выступах кремлевской стены, высоко вверх тянулись стрельчатые башни.

И такое торжественное спокойствие было вокруг, что все казалось почти сказочным.

И вдруг на площадь вошли пионеры. Они шагали с развернутыми знаменами, под барабанный гром и песню торжов. Это юные ленинцы направлялись в Кремль на пионерский съезд...

Золотые люстры осветительным светом заливает просторный Георгиевский зал. Две с половиной тысячи пионеров собрались сегодня в древнем Кремле.

Семилетним Андреем Сидоровым звонким голосом отдаёт рапорт о готовности пионеров к съезду.

— Знамена вынести! — командует он.

Под звуки оркестра черед весёлый зал проходит колонна знаменосцев. И вдруг все затихает дыхание: как будто по мановению волшебника, вспыхивает костер, высоко взлетают красные языки пламени.

Пионерский сбор начался. Медленно гаснет свет, и на белом полотне киноэкрана появляется Ленин. Как живой, он улыбается пионером.

В зал входят юные техники. Они несут самодельные радиоприемники, модели кораблей, физические приборы. Мимо зрителя мчится моторный самолет. Легкие модели самолё-

тов, как стрелы, долго кружатся над головами.

В руках у юных мичуринцев клетки с голубями, корзины с яблочками небывалой величины

арбузы, цветы. Все это выращено, выхожено умелыми руками пионеров. Маленькая девочка едва-едва тащит свое «достижение» — огромную тык-

ву. А юннаты Кутузовской школы Подольского района вырастили высокоурожайный сорт пшеницы. Колязо имени Г. М. Маленкова решил в этом году посеять этот сорт на своих полях.

Вот на красной ковровой дорожке гимнасты. Они демонстрируют свою силу и смелость, делают красивые акробатические упражнения, ловко строят пирамиды.

Шестнадцать горнов звонко протрубили окончание съезда. Но расходятся по домам никто не собирается. Впереди еще концерт, шумные игры и палсяки.

Ребята танцуют во Владимирском зале, идут в Гранитную палату, где их встречают веселый Петрушка и потрохающий бубном шутник-скоморох.

В этот день с пионерами побеседовал Альбон Тимофеевич Космодемьянский, мать прославленной героини Зои, Герои Советского Союза Михаил Водопьянов и Алексей Маресьев. Взглянув за руки, детские писатели Сергей Михалков, Агния Барто и Лев Кассиль вместе со своими читателями заместо отлащивали «рускую».

Радостные, возбужденные покидали пионеры древний, помолодевший Кремль. И когда они проходили мимо заперенных снегом саечок у высоких соборов, каждого охватывало трепетное чувство. Может быть, вот здесь в часы больших раздумий проходила великий Ленин. Отсюда ему была видна вся страна, счастье всех советских людей, счастье маленьких строителей коммунизма — юных пионеров!



КОМСОМОЛЕЦ МИРОНОВ

ПОЭМА



1

Памир налево, степь направо,
Тыла на соседней стороне.
Дождятый дом погранзаставы,
Свет электрический в окне.
И новичку теперь не чудо
В глуши увидеть провода,
Но как понять ему, откуда
Они протянуты сюда?

Здесь только корин саеула
Вцепились накрепко в песок,
Да месяц на небе сутлый,
Да небо звездного кусок.
А за чертою заренчиге:
Ни голосов, ни огньков,
Лишь власть прикладами
Стучится

В лагчи спящих бедняков.
С той стороны в года нмье
К нам под прикрытием ночей
Нередко скакуны степные
Вносили банды басманей.
Но, меткой встреченные пульей,
Назад рвались, вздымая прах,
И мертвецов вослед тонули,
Залуптавшихся в стремених.
И если для тебя не чудо
В глуши увидеть провода,
То оглянись: поймаешь, откуда
Они протянуты сюда.
Где только степь клубилась

прежде,
Теперь колхоз построил ГЭС,
И словно множество созвездий
Спустилось на землю с небес.
Они видны и за границей
И там рассеивают тьму,
Недаром недругу не спится
И с каждым днем страшней ему.

2

Пусть на заставе свет
не ярко,
Солдатам радостнее с ним:
Он от колхозников подарок
Сынам — защитникам своим.
Кто не в наряде —

на сборнике:
Приним сегодня в комсомол.
И выставлен скатертью багряной
Перед президиумом стол.
Стоит Миронов перед теми,
С кем с прошлой осени уже
Он разделяет труд, и время,
И жизнь на этом рубеже.
В наряды ходит и в секреты...
И хоть пока не награды
И подвигов особых нету —

Все знают: стойкий солдат.
Перелистал он, как страничку,
Всю жизнь свою, все
двадцать лет,
Которым трудно уместиться
В сухих параграфах анкет.
О детстве вспомнил,

что на Каме
Прошло, промчалось озорно,
Что пионерскими костюми
До сей поры озорно;
О школе, о родном Заволжье...
И не беда, что жизнь его
И жизнь другой его полужи,
Как листья клена одного.
Пускай ты слышишь меньше

года,
Пусть дослужился до седин —
У всех солдат одна забота,
Страна одна и долг один.
— Вопросы нет! Сидись,
Миронов.

Кто хочет слова? —
Скирнул стол.
Сержант поднялся, пражку
тронул,
К трибуне крешеной шагнул,
Хотел сказать, но дверь
раскрылась,
И сразу сделалось свежо,
И сразу тишина разбилась
Командой внятно:
— В ружье!

3

Над нашей границей,
У линии гор,
Неслышимо птицей
Пронесся планер.
Бесшумно скользкий,
Он брал потолок,
Ловя восходящий
Воздушный поток.
И был темнотой полночной
Прикрыт
Его неурочный
И странный визит.



Пять снариженных
Убийи на борту,
В комбинезонах,
Со жевачкой во рту,
Наемников подлых,
Которым давно
За деньги хот в седлах,
Хоть так — все равно.
Краток маршрут их,
И время — в обзор:
На парашютах

Слуститься у ГЭС,
Успеть
Применить привезенный тротил,
Чьоб апряде
Над пустынным свет не светил...
Едва на мгновение
Коснулся планер
Крылато темнью
Зесеженных гор,
Но стражам границы
Досточтен миг,
Чьоб хищную птицу
Взгляд их настиг.



Тревога!
Тревога!
Застава — в ружье!
Рвется в дорогу
Седько твое.
Оседлали кони.
В погону, солдат!
Ладони
Уже не повордых лежат.
Пуста пирамидка,
Песок — под копита,
И гнев беспощадный
В обоях зажат.

4

Кони галопом
Летят по пескам,
Изаветным тропам
И солончакам.
Скорее, товарищи,
Сил не жалеть,
Скорее, пока еще
Можно успеть!
Миронов, он тоже
С друзьями в строю,
Хоть помоложе
И не был а бою.
Но в группе захвата
Он выполнял свято
Оружием солдата
Присягу своею.

Уже половина
Пути позади.
Вода
у плотины
Клокочет в груди.
Костей не жалея,
Гони и гони!
Все ближе, светлее
Родные огни.
Бетонные стены
Народ возводил.
Скорее!

И пена
Слетает с удил.
Вдурт в клочьях тумана
От встречной стрельбы
Конец капитана
Встал на дыбы.
— Ложица! —

И солдаты
Прикажись к земле.
По ним автоматы
Строчкуют во мгле.

Но замисел банды
Разгадаи, и вот
Команда:
— Петров и Миронов, в обход!

5

Ползут они двое,
Привстали. Бросок.
...Петров головою
Утонулся в песок.
Хотел было снова
Подняться — не смог.
Промолвил три слова:
— Не мешай, браток!
Раден наперник,
Но время не жидет.
Ломая кустарник,
Сжег зубы — вперёд!
Солдатская дружба
Тем и сильна,
Чьоб ратною службой
Она скреплена.

На мадди, не мешай,
К зданию ГЭС
Ползком,
перелезкой,
Карабайксай,
лезть!
Прямо, упрямо,
Скорее, солдат,
Туда, где динамо-
Машины гудят,
Пока не взлетело
До снежных вершин
Железное тело
Динамомашин.

6

И вот он у цели,
В окно заглянул:
Все цело,
И тот же размеренный гул.
Он к двери — и около
Видит у ног:
Выбиты стекла,
Истоптан песок,
Отсветы яркна,
Кровь на песке,
Сторож с берданкою
В мертвой руке.
Залитый кровью
Туркменский хатав.
— В спину! —

И брови
Нахмурил солдат.
Двери тутже
Толкнул солгоном



И тут же впервые
Стокнулся с врагом.

Тебя не учили
Людей убивать,
Ни школьный учитель,
Ни старая мать.
Ты вырос советским
Хорошим юношом
С маминичко-детским
И добрым лицом.
Но в эту минуту
Ты страшен, солдат,
Как будто
Не ты был минуту назад.
Вот враг твой.

Смелее!

Его ты искал:
Короткая шея,
Завириный оскал.
Под счастьем людское
Он пододвинул
Грязной рукою
Заморской тротил!
На миг опоздай ты —
Огонь по шкуру
Крысой хвостатой
Метнулся б в нору...
И сколько людского
Ушло бы труда,
Чтоб ожил снова
В степи проводка!
За мир без пожарниц,
За свет и жилье,
Товарищ,
Ты поднял оружие свое.
За край благодатный,
За отчий край...

—И диск автоматный
На трень опустел.

7

Бой с остальными был не долго,
Его свалила тишина.
Над головою звездный полог,
Вершины снежные, луна...
Гудели, как всегда, машины,
Свет, как всегда, сверкал
вдали.
В отрядный штаб, сутуло спина,
Бандиты пойманные шли.
Кто басмачей выдав

в тридцатом,
На этих может лишь взглянуть,
Чтоб молодым сказать

солдатам:
— Не видно разницы ничуть!
Враги такие же, как прежде
Хотя принудливый халат
Сменил на летнюю одежку,
А млауэр — на автомат.



Да, время их перерядило,
И ошейник сменил пландер.
Но все осталось, как и было:
Горящий ненавистно взор,
И вот бродит они понуро,
Заспятых четверо врагов,
Трещит за собственные шкуры,
Коска на левую штыков.
Кляня тот час, когда решились,
Тот час, когда лететь пришлось,
И тех, кого зеленый вылился
К ним в степь песчаную привез.

8

Памир налево, степь направо,
Тьма на соседней стороне.
Доцатый дом погранзаставы,
Свет электрической в окне.

Превращаешее накануне,
Идет собрание опять,
Опять сержант шагнул
к трибуне,

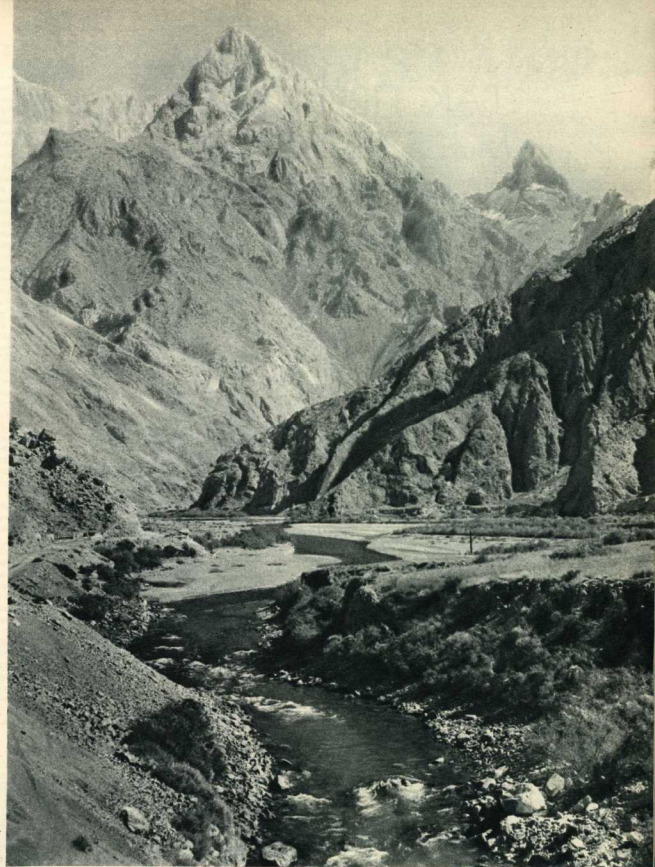


Фото О. Кноррига.

...А где-то около границы,
Настыгнула «кастробком»,
Чужая дотлавила птица,
И ветер заносил песком.

Боюсь и ныне опоздать.
И по привычке правую трону,
Взглянул товарищем в глаза —
Я знал: не подведет

Миронов —
И потому, как прежде, — за!
Длинней, красней, необычайней
Сержант оумел сказать бы
речь,

Но есть обитель пограничный —
Минуту каждую беречь.
Тут трюмким словом,
лышмой фразой

Солдат бывалые не проймешь!
Жизнь научила видеть сразу
И отличать от правды ложь.
Они настолько открытвенны,

Что по взметнувшимся рукам
Ты понял истинную цену
Своим поступкам и делам.

Сосредоточенный, счастливый,
Миронов поглядел в око:
Отчий дельник перелысы
Сливался в зарево одно,
Глядел он зоркими глазами
И словно всю страну видал:
Огни Москвы, огни на Капе,
Огнями залитый Урал,
Он клялся мысленно Отчизне,
Стране, которой лучше нет,
Не покажеть ни сил, ни жизни
За этот негасимый свет!

ТАК ПРИХОДИТ МАСТЕРСТВО



«Необходимо материал расширить таким образом, чтобы из него вышло как можно больше деталей», — думает Маша.

Издана повелось, что почти каждое воскресенье молодежь обувной фабрики совершает прогулки за город. Летом — на велосипеды, зимой — на лыжах.

Особенно любит эти прогулки Маша Шамбурова. Собственно говоря, Маша и организует их в последнее время. Она лучшая велосипедистка на фабрике, да и среди лыжников тоже не последняя.

Места вокруг Смоленска живописные, одно красивее другого. И везде хочется побывать. Хорошо зимой в мороз идти на лыжах через снежные поля по сухим соснышково-березовому насту, где холодные серебристо-зеленые блестящие вспыхивают совсем перед глазами, то вдруг убегают, улетая за собой все вперед и вперед, все дальше и дальше.

На так ли увлекают и юношеские мечты?

— Маша только недавно исполнилось двадцать лет.

Три года назад, окончив в деревне под Смоленском семилетку, она прямо со школьной скамьи пришла на фабрику. Как недавно и как давно это было! Тогда она выглядела еще совсем подростком и была рада, что ее приняли на должность курьера. Правда, директор фабрики, чтобы подбодрить ее, пообещал:

— Если будешь стараться, быстро освоишься на фабрике, передадем на другую, более интересную работу.

Маша затюмила это и старалась во всех сил. Присмотревшись и ней, директор остался доволен ее расторопностью и, пригласив к себе в кабинет, сказал:

— Нужно овладеть настоящей профессией. Подайшь учиться на закройщицу. Согласна?

— Еще был! — послушила согласится Маша, не ожидая, что ее так скоро возьмут в цех.

Прикрепили Машу к одной из лучших мастериц закройного цеха — Анне Захаровне Лочевой.

С первого взгляда работа закройщицы кажется совсем несложной, и учиться там как будто особенно нечему. Накладывая на кожу готовые модели делала обувь и аккуратно вырезай их. Вот и вся премудрость. Но так кажется только с первого взгляда. На самом же деле тут нужна большая сноровка и хороший глазомер. Необходимо, взяв в руки кожу и раскладая ее перед собой, сразу ориентироваться: каким образом раскроить ее, чтобы вышло как можно больше деталей, как можно меньше отходов. Неопытная или невнимательная мастерица может добрую половину товара пустить в обрезки.

Маша догадалась об этом сразу и решила прежде всего постигнуть секрет того, как лучше определять, где и какие детали выгоднее выкраивать. Поэтому в первое время она работала медленно, по русской поговорке «Съешь раз отмерь, один раз опрешь».

— Мастерица даже вернуть нечаял!

— Уж очень долго копается эта ученица. Дает с смену деталей всего на двенадцать пар обуви, а могла бы побыстрее поворачиваться.

— Ничего, Анна Захаровна, не беспокоиться, я вас не подведу. — отменяла Маша. — За меня краснеть не будет.

В июне 1951 года Маша наконец перешла на самостоятельную работу. В первый же месяц она выполнила производственное задание на сто пять процентов.

— Ого! — удивилась и обрадовалась Анна Захаровна. — Да ты, я вижу, не такая уж копуша. Можешь работать. Ну, поздравляю!

— Я же говорила, что не подведу вас, — улыбнулась Маша, прося от поздравлений своей учительницы.

Выработка ее росла из месяца в месяц. Одновременно росла и экономия материала. Имел молодой закройщице все чаще и чаще упоминалось в ряду лучших мастериц цеха. Когда ей сказали, что она перерыва показала своей бывшей учительнице, Маша сначала не поверила:

— Шутите...

Но Анна Захаровна сама подтвердила это. — Теперь мне надо стараться, чтобы тебе не пришлось краснеть за меня, — сказала она и тут же задумчиво добавила: — Молодцы идет в гору. Вот погляди на Любу. Не намного раньше тебя пришла на фабрику, а уже стала первой мастерицей в цехе. На нее тебе и надо равняться теперь.

Маша и сама уже решила, что должна догнать свою подружку Любу Смирнову. Во что бы то ни стало догнать! Разве она не так же как комсомолка, как Люба?

Кое-кто в цехе думал, что как только Маша станет догнать Смирнову, та увидит в ней соперницу и отношения их немедленно испортятся. Но этого не случилось.

Веселая и общительная, Маша казалась полной противоположностью не по годам серьезной и сосредоточенной Любе Смирновой, которая рано осталась без родителей и сама воспитала младшую сестру. Но, может быть, именно поэтому она и пришла ей по душе!

Они как бы дополняют друг друга. И сейчас, когда в цехе говорят об одной из них, тотчас вспоминают и другую.

— Как же подруги, комсомолки. Лучшие закройщицы в цехе. У них всегда самая высокая выработка и самая большая экономия. В прошлом году Маша Шамбурова перевыполнила производственное задание почти вдвое. За десять месяцев она сэкономила такое количество кожи, что из нее можно изготовить 877 пар обуви.

Недавно в смоленской газете «Рабочий путь» на первой полосе была помещен портрет Машин Шамбуровой. В подписи под этим портретом она была названа по имени и отчеству: Мария Лаврентьевна! Да и как же иначе! Знаменитая в городе мастерица! А это знаменитой мастерице всего-навсего двадцать лет, и улыбается она, чуть поджав еще подрастающие пухлые губы.

В сущности, жизнь для нее только началась. Она лежит перед ней, как больше, делящая дорогу. Девушка вышла в путь в хорошей, ясной утро.

фото Г. Борисова.



Почти наидею воскресные молодежь обувной фабрики совершает прогулки за город. И с ним же: закройщица Маша Шамбурова с подружками.

ПИСАТЕЛИ—БОРЦЫ ЗА МИР

ПОЭТ—Трибун

Мы знаем о том, что этот человек стоял плечом к плечу с республиканцами в окопах Мадрида, что в дни сталинградской битвы он расклав на улицах города Мехико плакаты со своей «Песней любви Сталинграду», что в 1948 году с трибуны сената он разоблачил президента Чарльза Говардса Веллера, продавшегося американским империалистам; знаем, что он подвергался преследованиям, что около полутора лет находился на нелегальном положении — его скрывали в своих жилищах рабочие, рыбаки и лесорубы; знаем, что для того, чтобы говорить о мире с трибуны Первого Всемирного конгресса сторонников мира в Париже, он тайно приехал в Европу.

Пабло Неруда... Несколько неожиданно звучит это сочетание испанского имени и славянской фамилии. Неруда — псевдоним чилийца Нефали Рикардо Нефеса. В юности на поэта произвел огромное впечатление рассказ великого чешского писателя Яна Неруды, верного слушавшего своему narrу, и он стал поднимать свое произведение — Неруда.

Пабло Неруда прошел сложный творческий путь. Характерно название его первой книги — «Сумерки» (1919 год).

Выдающийся поэтический талант обнаружился и в первых стихах Неруды, но он еще был связан интелтуализмом и индивидуализмом. Меланхолично, но неуказательно выходила жизнь в узкий мирок поэта, заставляя его говорить о людях, об их борьбе. «Я был писателем, который блуждал среди пустынь ночей, пытаясь пробить стены», — говорит Неруда об этом периоде — «Теперь я счастлива. Мы достигли дти по середине улицы навстречу жизни».

Чилийский консул в Мадриде Пабло Неруда стал в один ряд с испанскими республиканцами. Его стих приобрел новое звучание. Поэт загорелся во весь голос о героизме и свободе людей народа, о преступлении фашизма. Книга стихов «Испания в сердце» — выдающееся произведение мировой литературы.

Но не только стихом борется Неруда с фашизмом. В Чили он организовал союз прогрессивной интеллигенции в защиту культуры, а став чилийским консулом в Париже, помог ты-

сячам испанских республиканцев эвакуироваться в страны Латинской Америки.

В окопах Мадрида Неруда не раз вспоминал Маяковского, творчество которого он всегда считал высочайшим образцом нашей поэтической эпохи.

Когда наш народ вел Великую Отечественную войну, из далекой дали, из-за океана, услышали мы голос друга, голос солидарности, песню борьбы. Две «Песни любви», посвященные Сталинграду, — произведения огромной поэтической силы. Первая «Песня» была написана, когда Сталинград втекал кровью, и проникнула верой в победу нашего народа.

В дни сталинградской победы в новой «Песне любви» поэт говорит:

Я рожден, чтобы славу водить Сталинграду.

В книге посетителей Музея обороны Сталинграда поэт написал:

Материасм сталинградцам! Да будут священны
Материасм воле побелевшие пряди!
Сияновым твоим слава — героем воинским
и мезамандом, родившимся в Сталинграде!
Истба и слава уменья твоих юмандриков,
Честь и слава уменья твоих юмандриков!
Словно новым уму и героизму создана!
Золотые лучи Сталинграда.

В 1945 году Коммунистическая партия Чили выставила кандидатуру замечательного поэта и общественного деятеля в сенат, и Неруда был избран горничным сенатских и медных будильников. Его избиратели стали героями его стихов. В конце 1945 года Неруда вступил в Коммунистическую партию Чили. Поэт повел в сенате борьбу с прислужниками американского империализма. Лишенный парламентской неприкосновенности, он продолжал борьбу.

В подполье, скрываемый своими многочисленными друзьями, поэт-борец создал свою эпопею «Всеобщая песнь» — энциклопедию жизни Латинской Америки. В этой грандиозной поэме он говорит об имени простых людей и о простых людях. Одна из глав «Всеобщей песни», «Да пробудится лесоруб», впоследствии поведет о двух Америках: Америке простых людей и Америке империалистов. Поэт показы-



Пабло Неруда.

вает звериную сущность американского империализма. Сильнейшие строки этой поэмы посвящены «Светлогод Стране» — Советскому Союзу — посвященные борьбе за мир и дружбу между народами.

Всемирный Совет мира удостоил поэму «Да пробудится лесоруб» Международной премии мира.

Когда я думаю о Неруде, мне вспоминается московский вечер 27 июня 1949 года и то волнующее ощущение, когда на трибуну Большого зала Московской консерватории поднялся этот человек, овеянный легендой, и тихим, но на весь мир звучащим голосом сказал: «Твое величие, советский народ, является нашей гордостью, любовью, силой, правдой и надеждой».

Пабло Неруда недавно вернулся на свою родину. Всемирная слава стала его защитой, не позволила агентам подкаблечной войны прикоснуться к поэту. Из-за океана доносится к нам новые песни замечательного певца мира и борца за мир, заслужившего высокое звание лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

«МЫ НЕ ОТСТУПИМ!»

...Плывет крест — символ знака Луиня. У грузовика, облитые ярким светом прожекторов и автомобильных фар, стоят в три шеренги тридцать два человека, простые люди Америки — негры, белые. На них движется из темноты лавина — кукуксудановцы, головорезы из «Американского легиона». Раздается вопль: «С нами Гитлер! Мы доведем его дело до конца!»

Но вот в минуту смертельной опасности те, кто сражались у грузовика, теснее сомкнули свои ряды и неожиданно заплели в лицо беснующимся дивангелам старинную народную песню:

— Нет, мы не отступим, нет!

Это было в Пинкслиде летом 1949 года. При потешливости, полноте банды фашиствующих хулиганов напала на организаторов концерта Пола Робсона. Фашистская вылазка разбилась о мужество небольшой группы честных американцев, во главе которой стоял Говард Фаст.

Духом борьбы за права народа проникнуты книги Говарда Фаста. Исторические романы писателя, принесшие ему всемирную известность, воспевают революционные традиции американского народа, восхваляют образы выдающихся людей, совершивших свое великое дело в защиту интересов простых тружеников. Это замечательный публицист-демократ времен войны американского народа за независимость Томас Пейн (роман «Гражданин Томас Пейн») и предводитель восставших рабов в древнем Па-



ме Спартак (роман «Спартак»), и народный герой Негро Джексон (роман «Дорога свободы»), и американские рабочие-революционеры Сакко и Ванцетти, казненные на электрическом стуле по заведомо ложному обвинению.

Важным событием в истории прогрессивной американской литературы было опубликование романа Фаста «Кларконт», рассказывающего о забастовке. Материал для этой книги писатель-борец собрал, наблюдая одну из забастовок в качестве корреспондента газеты «Дейли уоркер».

Публицистика Говарда Фаста развивает демократические традиции американской литературы, традиции Томаса Пейна и Марка Твена, Джека Лондона и Теодора Драйзера. С осени 1951 года писатель опубликовал серию памфлетов «Документы кризиса». Эти памфлеты созданы по образцу «Документов кризиса», написанных во время войны за независимость Томасом Пейном и сыгравших выдающуюся роль в победе над английскими колонизаторами.

«Боле полутора столетий прошло с тех пор, — пишет Говард Фаст, — как Томас Пейн написал свои «Документы кризиса». Но опять наступили такие времена, о которых он злобно говорил, времена тяжелых испытаний и проверки человеческих сердец».

Своими романами, рассказами, очерками, книгами, подобными «Пинкслиду», США, пыськой «Тридцать сорокников» писатель активно борется за мир и демократию. Но не только романом оставал Говард Фаст делом мира: он является одним из видных деятелей движения сторонников мира в США.

В одной из статей Говард Фаст пишет, что в США «быть молодым — это значит

смотреть в глаза ужасам войны и безработицы. В своих выступлениях в печати, в речах на митингах и конгрессах сторонников мира, в своих художественных произведениях Фаст беспощадно разоблачает ужасы войны и безработицы.

Будничной стороной деятельности писателя в защиту мира является неустанная пропаганда достижений Советского Союза и стран народной демократии.

Говард Фаст — первый герой Советского Союза. В своем завещании по поводу присуждения ему международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» он сказал: «Восемь лет лики и клеветы, распространяемой здесь, в моей стране, тем, кто стремится к войне и ненавидит мир, не мешают заслугам моего выдающегося социалистическому Советским Союзом».

За деятельность по благо мира и демокра-

тии Говарда Фаста жестоко преследуют реакционные круги США. Издатели отказываются печатать его книги, его романы снимают из библиотек.

В 1950 году за отказ отвечать на вопросы преследуемой Комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности Говарда Фаста на три месяца заточили в тюрьму. Писателю запретили выезжать за пределы США. Но эти преследования не могли заставить отступить Говарда Фаста.

«Он полностью отдал свое священное борьбе за мир. Он посвятил свою жизнь и деятельность, сердце и все свое будущее борьбе за мир и благосостояние человечества. Эти слова записаны, сказанные им о его друге и боевом соратнике Поле Робсоне, исчерпывающе характеризуют и самого Говарда Фаста.

Я. ЗАСУРСКИЙ,
наидатчик филологических наук.

ИСПЫТАННЫЙ ПОБОРНИК МИРА

На страницах конспектов студента Краковского химико-технологического института Леона Кручковского рядом с формулами часто появлялись четверостишия. Стихи приходили во время лекций, лабораторных занятий и в них чувствовалось горячее бытие жизни.

Уже первая книга Кручковского, «Молоты над миром» (сборник стихов, еще несоборных от влияния формалистической поэзии), отличалась характерной для его творчества антиимпериалистической направленностью. В ней писатель заявлял, что будущее — в руках рабочего класса. Это был первый выпуск, брошенный Кручковским реакционной правящей клики и ее официальной литературе.

Когда в 1928 году основоположник польской пролетарской поэзии Владислав Броневский призвал бороться по перу активно бороться с империализмом и создавать передовую демократическую литературу, Кручковский выдвинул идею борьбы против фашизма, за прогрессивную культуру и демократию. Кручковский активно включается в общественно-политическую работу, выступает на собраниях рабочей молодежи и интеллигенции, изучает труды классиков марксизма.

Романы Кручковского «Кордиан и Хам» — о ноябрьском восстании 1830 года — и «Главный перья» — о судьбах польского крестьянства накануне первой мировой войны, — ознаменовали собой поворот прогрессивной польской литературы в сторону социалистического реализма, разоблачили демагогию буржуазно-националистических историков. В период усиления фашизации Польши писатель создает антифашистский роман «Тенета» и ряд острых публицистических статей. В 1936 году он делегат Всесоюзной конференции защиты культуры и мира.

«...Советские солдаты, освобождающие польский народ от фашистской оккупации, распустили в лагере, в котором был с половиной лет томился Леон Кручковский».

Писатель уверенно вступил в ряды строителей своей возрожденной родины. В 1945 году он стал членом Польской рабочей партии. Его избирают депутатом Крайового Рада Народов. Он является депутатом сема. С 1945 по 1948 год он заместитель министра культуры и искусства, с 1949 года — председатель Союза польских писателей.

Общественную деятельность Леон Кручковский сочетает с творческой работой. Ему принадлежит первое произведение о новой Польше — пьеса «Возмездие». Один из ее главных героев — юноша, пораженный с реакционными подпольем. Пьеса имела большой успех. Не случайно Казимир Конаевский в осно- «Пятёрка с улицы Барской» показывает, как спектакль «Возмездие» помог варшавскому подростку Марку — участнику террористической банды — вернуться к честной жизни.

Широко известна пьеса Леона Кручковского пьеса «Немцы», удостоенная Государствен-

ной премии. В ней ярко отображены ненависть, которую питали к захваченным народам оккупированных стран, самоотверженность немецких антифашистов — весь трагизм положения представителей «политической» немецкой интеллигенции, которая часто помимо своей воли втягивалась гитлеровцами в кровавую военную авантюру. Пьеса шла в театрах Берлина, Праги, Лондона, Парижа, Софии, Рима, Вены, Хельсинки, Токио, была издана во многих странах, в том числе в странах Латинской Америки.

Недавно писатель закончил пьесу «Юлиус и Этель». Это «олимпическая трагедия», рас-



сказывающую о последних восьми часах жизни супрутов Розенберг, казненных американскими империалистами.

В результате поездок в СССР, Бельгию, США, Францию, Данию, Швецию и Германию Демократическую Республику Кручковский написал книгу очерков «Встречи и сопоставления», основная мысль которой — необходимо отстоять мир.

Призывая бороться против войны, писатель сам становится в первые годы сторонником мира. Он участвует в международных конгрессах сторонников мира в Париже, Варшаве, Вене и Польского комитета защиты мира.

Возвлекованный вестью о присуждении ему международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», Леон Кручковский сказал: «...Я хочу разделить эту великую честь со всеми борцами за мир в народной Польше». В минуту большого счастья писатель-патриот прежде всего подумал о своем народе, с которым всегда титоты реакционных режимов и оккупации и с которым делит теперь радость создания.

М. ИГНАТОВ

СЕРДИЕ БАТЬРА

Мы читали стихи Мусы Джалиля, разглаживаем пожелтевшие от времени страницы самодельной записной книжки, которую записывал в Бердзее в тюрьме в Сталинском Моабите, где томился Тельман и Фучик. Записную книжку, которая пришла к нам через долгие годы, через всю Европу, через руки честных людей, не поминавших языка Джалиля, но чувствующих правду, которой дышит эти строки.

В такую минуту, когда гитлеровцы окружили отряд советских солдат, Муса Джалиль писал в дневнике: «Когда приходит мысль о смерти, то думаешь так: есть же жизнь за смертью (надробная жизнь); не та, что проведут попой и мучды, скрыва на том свете. Такой жизни, мы знаем, нет. А вот есть жизнь надробная, после смерти, в сознании, в памяти народа. Если я при жизни делал что-то вальное, то и заслужил эту другую жизнь... Цепь-то жизни в этом и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умереть».

Через час после того, как были написаны эти слова, Джалиль попал в руки фашистов: на последнем патроне, оставленном для себя, написал дал осечку. Советский поэт Муса Джалиль попал в плен, а запереть, а потому в дневника дошли до родовых. Казалось, это была последняя вест от человека, погибшего за Родину. Но ведь Джалиль писал перед боем, что если человек остается жить год, месяц, день, час, он должен вложить в этот год, этот месяц, день, час все, что он хотел и мог отдать Родине на протяжении всей жизни...

Когда Советская Армия, зная Берлин, освободила узников Моабита, в коридоре тюрьмы, среди мусора, солдаты нашли листок, вырванный из книги, на полке которого было написано: «Я, известный татарский писатель Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и испрошу себе право распространения. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня моим товарищам... в Москве...».

Так в день Победы, в день падения Берлина и кончины фашистской Германии, начиналась жизнь после смерти поэта Мусы Джалиля, слава божья живая.

Джалиль был казнен фашистами 10 января 1944 года. Он писал перед смертью:

Кровь предателя каплет в ведро,
Кровь батerra — в сердце народа...

Джалиль начал жизненный путь солдатом коммуниста и его поэтом. В 1919 году в ориентированной сестры, когда банды белогвардейцев подошли к родному селу. А вестеру, когда кончился бой, он почувствовал восторженную потребность передать другим тот огонь, которым горело его сердце. Первые стихи Джалиль — это красноармейские песни, впечатлительные по фронтовой газете «Камы и колдуны» («Красная звезда») Туркестанского фронта.

«В камере ночью, когда даже надсмотрщики уходили спать, Джалиль писал стихи о Родине, о победе, о счастье бойца, о свободе:

В нас опять солдаты встретя друзей —
Судьбы, напоивши аниом бокала в честь победы...».

...Его были враги. Но жизнь, отраженная в стихах, осталась. Беллице-партизан Тиммерманс пронес стихи так-рекого поэта через лагеря и тюрьмы гитлеризма, через всю Германию.

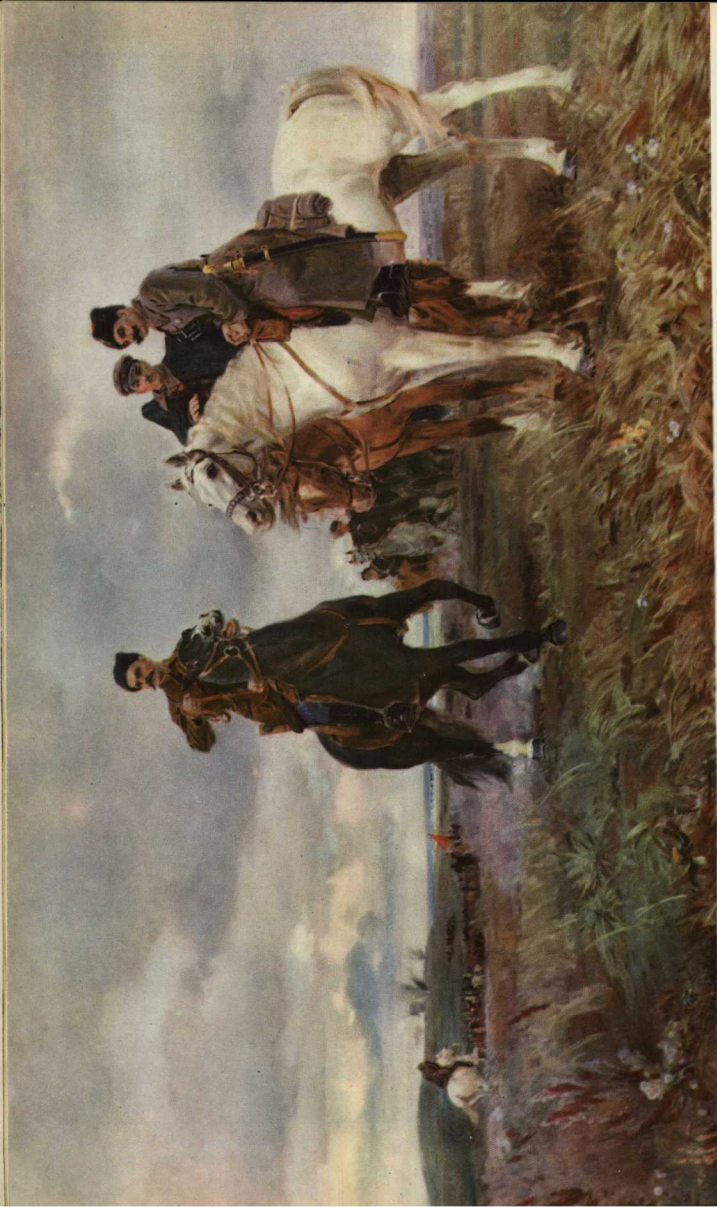
Три года путешествовала эта тетрадка. Теперь стихи, посвященные Родине и вдохновленные ею, стали на вооружение борцов за коммунизм. Рядом с Николаем Островским, с Юлиусом Фучиком, с Габриелем Перси становится имя Мусы Джалиля.

И. ФРЕНКЕЛ, А. ШАРОВ



Прием в пионеры.

Дипломная работа А. Тихонова.
Новосибирский художественный институт.



В Савских степях.

Дипломная работа В. Кравченко.
Ленинский Художественный институт.

НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ КОМСОМЛАЗ

Дом № 4 по Малому Харитоньевскому переулку встретил нас ярким плакатом, торжественным гулом, веселым шепотом. Книжки и документы держали в руках ребята, написанные в большинстве случаях от руки, с движками, порой самодельными штампами и печатками, включающими слова с буквами «ята», «твердый знак». Товарищ, сидевший за столом мандатной комиссии, читал вслух наименования организаций молодежи, и мы сразу смогли узнать имена своих соратников по борьбе, ставших участниками съезда.

— Московский Социалистический Союз рабочей молодежи «Третий Интернационал»...
— Первый свободный Союз Новоладжской молодежи...

— Кружок Союз молодежи Большой Вишеры...

— Порочно-глазовский кружок крестьянской молодежи Можайского уезда...

— Смоленский Союз рабочей молодежи... Слова «рабочей» или «крестьянской» стояли в заголовке почти всех мандатов.

Председатель мандатной комиссии взял в руки огромный мандат с типографским штампом и с явным уважением прочел, вернее, продекламировал:

— Социалистический Союз рабочей молодежи Петербургский Центральный Исполнительный Комитет.

Этот мандат вызвал шепот восторга и зависти. Вот ведь как назвали себя! Пышиновато, конечно, да но то питерцы!

Медленно продвигаясь в очередь, мы слушали разговоры делегатов, выслушивали друг с другом, и перед нами проходила живая биография юношеского движения Советской страны, его героические будни и праздники, его победы и свершения.

Молодой рабочий завода «Красный выборжец» оказался участником штурма Зимнего дворца. Высокая девушка в кожаной тулупе была участницей октябрьских боев в Москве. Делегат из Вязников был командиром молодежеского отряда, встававшего в войска, ликвидировавшие белогвардейский мятеж в Ярославле. Вот товарищ, сражавшийся против немцев, против Краснова. Вот люди, громившие войска интервентов: десант с английского крейсера «Горня», батальоны американского десанта в Мурманске, отряд генерала Деустервальда. Ливнев свинца встретили бойцы советской Отряды непрошенных зарубежных «гостей».

Делегат Урала рассказывал о работе Союза молодежи по ликвидации неграмотности. Делегат Смоленска сообщил о той помощи, которую оказали члены союза «Третий Интернационал» семьям красноармейцев. Московский товарищ рвалось тому, что союз сильно двинул вперед дело защиты экономически-правовых интересов рабочей молодежи...

Получив «решающее» голоса, мы, владимирцы, направившись в обходные съезда, помещавшиеся в том же доме.

— Выбрав любую койку, — гостеприимно сказал сопровождавший нас москвич, — перини одождова, бадахлины — тоже.

«Перинама» оказались голые доски. «Бадахлины» были пушеры тоже, конечно, для красного словца. Нам не смутил вид подобного жилья, ибо мы давно уже привыкли пользоваться сложными методами сна: шинель под себя, шинель под голову и шинель сверху. А шинель у каждого была одна.

Сложив на доски косяк свои немудреные пожитки, мы выстояли не менее часа в очереди на получение талонов в столовую. Затем перешли в очередь на получение посухишки хлеба или ста граммов черных сухарей. После этого усадьмы мы со стол и получили суп из овощей («карпе глаза»), жаркое из овощей и кисель

Читатель «Смены» С. Мору (ст. Питкотанк, Днепропетровской области) прислал в редакцию письмо, в котором он просит больше глубинно работать материалы из истории комсомола. Мы обратились к одному из первых комсомольцев, делавшему десятки съездов комсомола попу Александру Вельяновскому, предположившему поговорить с ним на комсомольном съезде комсомола.

«компот» из каких-то непонятных продуктов. В следующие дни вобла иногда сменялась нечешней, плохо очищенной перловой крупой («шаршелем») или — о росохи! — порцией шпена. Чай пили с сахарином, а порою только «с удовольствием».

Делегаты из провинции просит собраться в комитате около зала заседаний! — раздался чей-то возглас.

Мы двинулись наверх. Народу в комитате собралось много.

— Слово взял делегат Москва.

— Все мы — соратники и товарищи, бойцы одного великого дела. Предлагаем выбрать президиум из девяти человек: два от Питера, два от Москвы, пять от остальных делегаций. В последующем на самом съезде любое делегат сможет высказаться все, что найдет нужным. Меньшинских речей мы, конечно, не потерпим, но что касается деловых предложений — спор, сколько хочешь. Так ведь?

«Провинция» занялась избранием кандидатов в президиум.

— Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи объявляется открытым. Да здравствует Российская Коммунистическая Партия большевиков! Да здравствует советская революция!

Это было 29 октября 1918 года.

О, как спели мы тогда «Интернационал»! Каждое слово великого гимна свивалось с биением сердца любого из нас, каждая строчка глема была нашей клятвой партии большевиков, присягой советской молодежи на верность идеям коммунизма. Почетным председателем съезда был избран москвич ованши был избран Владимир Ильич Ленин.

Сразу же был избран президиум и мандатной комиссии начались приветствия.

Слово для доклада о текущем моменте получает представитель Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии большевиков товарищ Емельян Ярославский. Слова вспыхнула восторженная овация. Не было конца здравкам в честь партии и ее вождя.

— Да здрав-стует Ле-нин! — мощным хором скандировал весь зал. — Ве-ди нас, партия, за со-бой в ре-ши-тельный бой! Ура-а-а!

Перед съездом привел от ЦК РКП и пожелание успеха в работе, товарищ Ярославский подробно осветил внешнее и внутреннее положение Советской республики.

Речь его неоднократно прерывалась овациями.

На следующий день начались доклады с мест.

Перед нами развертывались славные страницы истории союзов молодежи, несших на своих юных плечах вместе со всем народом огромную тяжесть военной и созидательной работы в своей дорогой Отчизне.

— К лету этого года наш трехтысячный союз исчез из городов и деревень, — уныл язык, занявший товарищ из уральской организации. — Не подумайте, что он испарился или распался. Просто ушел на фронт вместе с губокомом. А в августе мы опять объединили не менее трех тысяч человек. Если понадобится снова уйти

на фронт, — пойдем. А наш союз опять возродится!

Буквально то же самое сказали делегаты Курска и Северской области...
— Если бы дали сотни бойцов в продолжарт, — сообщил делегат Нижнего Новгорода.

— А мы создали по призыву партии молодежный батальон, разгромивший кулацкое восстание в Юрьевском уезде, — доложил наш владимирский делегат. Когда же начался Ярославский мятеж, двинулись в бой вместе с частями Красной Армии отряды Союза молодежи из Владимира, Муром, Коврова, Иванов и Шуя...

Единственный добравшийся до Москвы представитель Киева рассказал о мекрах по героической борьбе украинской молодежи против немецких оккупантов и зверья Скоропадского.

За краткими сообщениями делегатов вставала величественная работа юной и девушек страны в труднейших условиях разрухи и голода.

— Мы помогаем партии создавать комитеты бедноты. Мы помогаем партии в создании органов власти и проведении выборов в Советы. Мы создали клуб. У нас действуют десятки кружков текущей политики. Мы послали сотни людей в органы и кружки ликбеза, создали ячейки на всех фабриках...

Все без исключения делегаты говорили о трудных подвигах молодежи, о мекрах по поднятию производственности труда, о борьбе с саботажем интеллигенции, о том, как члены союза борются с меньшевиками, эсерами и анархистами, помогают чекистам...

В некоторых докладах с мест встречались сообщения, могущие показаться нелепыми и смешными с точки зрения сегодняшних комсомольцев, но они отражали могущее стремление молодежи к созданию правых коммунистической молодежи, как, например, курский делегат сообщил, что губкомская конференция союза молодежи запретила брать приданое за девушками, ибо это оскорбляет высокое достоинство...

Съезд прервал доклад, чтобы выслушать сообщение о новом восстании злодеев Скоропадского, убивших коммунистов Сатина и Потемкина. Делегаты почтливо вставанием память жертв контрреволюции и при бурных аплодисментах приняли постановление послать привет молодым рабочим и крестьянам Украины.

В холодных комнатах общепита мы продолжали обсуждать все, что привлекало наше внимание на съезде. Спорили, пели, мечтали.

— Хорошая книга, — сказал мой сосед по койке, откладывая в сторону «Мартина Идена», — Парень из наших, а добрался до вершин знания. Добрался, а вышло ли к чему, но то капитализм! Вот я доберусь, — и мне будет хорошо и стране польза...

— Постой, постой, — вмешался в разговор чубатый парень, — ты что, университет кончить хочешь?

— Хотю.

— В буржуи лезешь?

— Слезешь ты, как я погляжу, — спокойно ответил мой сосед. — Самое дорогое, что есть в летвти мы буржуям отдашь. Я, мол, весь век лопатки шил хлебать буду и тем горжусь. А знания пусть буржуи имеют, так что ли? Да чтобы построить заводы и дворцы, что нам нужны, какие знания требуются!

— Ты и добруи нужны?

— И дворцы. Вот переросли мы тысячу семейства рабочих с чердаков и подвалов в лучшие барские особняки. Плохо, что ли? Только мы, трудовые люди, и имеем подлинное право жить во дворцах!

— Небо и галстук наденешь? Ты какой предпочтаете: «собою радость» или «гвардиу?»

Сосед на минуту задалумался.

— Густак, может, и не надену. Но чисто одетым быть хочу. Даже красиво одеваться, и то хочу. Не брать же пример с той дивчины, которая выступала вчера от Пензы! Всегда нечесаны, юбка висит колом, волосы на голове висят и это, мол, потому, что так принципиально подлагается пролетарскому революционеру. Еле-еле из грязи начинаем выбираться, а она опята в грязь тычет. Да еще при-ни-пи-пальню!

Орловец расхохотался:
— Трубадур красоты! Васяка-токарь — трубадур!

— Звание принимаю, — серьезно сказал, вставая, Вася-токарь. — Все красивое в мире будет нашим. А сами мы построим такую красоту, что и самым бумам не слыхался. И отдадим мы ее трудовому человечеству...

Он сел на койку и задумчиво проговорил:
— Эх, будет ли такое время, когда войдем мы с тобой, Саша, в огромный зал, полный людей, отдадимся и увидим: все в зале — рабочие и крестьяне, и все с высшим образованием, ну, почти хоть со средним! А?

— Будет, Вася, обязательно будет, — убежденно ответил я.

И в это время Страна советская будет богатой, счастливой и нарядной, не так ли?

— Именно так, Вася.

— Спасибо. Развеселил ты меня, друг! Давай споем, что ли?

— Давай споем.

Я стал за рояль. Со всех сторон сбегались делегаты, и волялся шпротский напев мочугой волжской песни. В комнате стало тесно, мы переставили рояль в пустой зал, где обычно выдвигали нем сухарь, и продолжили петь.

Волжско в зале было так холодно, что даже вывески песни согреть нас не смогли. Тогда сыграли мы в чехарду, а потом устроили со-стязание делегаций в русской песне. Пол ходил колом...

Трубадур красоты Васяка-токарь оказался самым сильным орловским оппонентом и разумом и юношеским задором в танце.

С большим вниманием съезд выслушал доклад о социалистическом юношеском движении на Западе. Я настолько увлекся докладом, что позвонил про се на свете. Только изловившись, начал записывать, что за мой отдел, застаиваю меня вспомнить, что и являюсь очередным председателем на съезде. Один из членов президиума наклонился к моему уху и шепнул, что немедленно надо предоставить слово для приветствия товарищу Крижжаловскому.

Я не замедлил это сделать.

— Передаю вам привет от внешкольного отдела Наркомпроса, — сказала Крижжаловская. — Но главное во всем: разрешите огласить, только что полученную телеграмму от Карла Общества.

Гридуно урлаф. Все встали, в воздухе полетели кепки и картусы, стихливо возник «Интернационал».

— Германское юношество, собравшись 26 декабря 1918 года в Берлине со своим Ликнектом, приветствует русских товарищей и заявляет, что готово последовать их прославленному победой примеру».

Овации были несомненными.

Съезд перешел к обсуждению программы Союза. Все наметки основных положений программы были выработаны на основании указания Владимира Ильича Ленина. Большую помощь оказала нам Надежда Константиновна Крупская. Она помогла товарищам внести на съезд точно сформулированные предложения по всем пунктам. Надежда Константиновна была с первых дней Февральской революции основным советчиком Питерской, а затем Московской организации Союза по всем общим и практическим вопросам политической борьбы и общественной работы. Надежда Константиновна в одной из дружеских бесед рассказывала, что Владимир Ильич никогда не выпускал из сферы своего внимания союзы молодежи, давал указания, советы, направлял активность молодежи на выполнение той или иной важной задачи. Все оговоренные пункты программы Союза молодежи определял Ленин. Ленин выдвинул идею: превратить молодежные кружки при комитетах партии в самостоятельные организации, созвать съезд Союза молодежи.

Основные предложения по пунктам программы были таковы: 1. Союз молодежи выражает свою полную солидарность с Российской Коммунистической Партией большевиков. 2. Главная задача союза — распространение идей коммунизма в Союзе путем культурно-просветительскую работу, защита экономические-правовые интересы молодежи, изыскание формы работы в городе и в деревне. 4. Союз является частью международного коммунистического юношеского движения. 5. Союз принимает название «Коммунистический».

Докладчик сообщил, что петербургская и московская делегации совещались перед открытием съезда по вопросу о названии Союза и единогласно постановили голосовать на съезде за название «Коммунистический», что на второй день съезда собралась экстренная городская конференция Московского союза молодежи и единогласно утвердила решение своих посланцев. От имени Питерской и Московской делегаций Советской страны название «Коммунистический».

Предложение принять название «Российский Коммунистический Союз молодежи» было утверждено 167 голосами против трех при четырех воздержавшихся.

Мандатная комиссия доложила, что на съезде присутствуют 176 делегатов с реншионскими голосами и 19 с совещательными. Они представляют 29 100 членом Союза молодежи. Членов РКП(б) среди делегатов 88, состоящих из 38, левых эсеров — 1, анархистов-индивидуалистов — 1. Социал-демократов-интернационалистов — 3. Остальные беспартийные.

Кстати сказать, беспартийных уехало со съезда гораздо меньше, чем приехало на съезд. Очень многие делегаты послали в свою город и села заявления о приеме их в ряды Коммунистической партии.

После коротких докладов о культурно-просветительской работе Союза, об уставе РКСМ и об организационных вопросах назвали заседание единым Российским Коммунистическим Союзом молодежи, наложили особое радостный отпечаток на дружную деловую работу секций. Шло конкретное обсуждение плана съезда, программы (обобщить те же вопросы образования, литературных кружков, клубов, библиотек, читален). Определялся «возрастной ценз» членом Союза. Устанавливалась организационная структура будущего ЦКемака и губкомов, содержание работы их отделов (как тогда говорили «комиссии»).

Деловые будни съезда были праздником нашего единства, нашей целеустремленности воли.

Все обитатели нашей комнаты обещания уговорили торжественно провести вместе последний вечер перед заключительным заседанием съезда. Каждый из нас притаил улыбку только products, что-то добал сахарин. Остатки инвентаризации выменял на два товарищеского праздника занесшую рубашку на отланую куртку.

Хотели мы начать вечер диспутом с анархистом-индивидуалистом, обнуренным среди делегатов мандатной комиссией. Вася-токарь по-чужому было разъяснить его и привести в комнату.

Ко всеобщему изумлению, анархистом-индивидуалистом оказался скромный городской партиянка, не вымолвивший ли слова съезде, у которого в то время существовали большевистским оратором и даже голосовавший на секции съезда за строгую дисциплину в РКСМ. У партиянки не оказалось ни бомбы, ни ножа, ни пулеметной ленты через плечо.

Партиянка так смущенно почесал затылок, что трубадур красоты Вася-токарь сразу смекнул, а чем дело.

— Скажи, приятель! А не назвал ли ты себя таким страшным именем, чтобы перед дельтатами пофорсить?

Выражение лица нашего оппонента не оставило сомнений в том, что это так и есть.

— Эх, ты! — добродушно улыбнулся Вася. — Раз так, садись за общий стол и больше не дуди.

Диспут не состоялся. Пришлось сразу перейти ко второму пункту программы вечера — ужину.

Вратки! — вымолвил нижегородец, заносное восклицание! — Сия тиня принесена с Сукарехом, но разве она виновата в том, что подала в руки «спекулянтю»? Давайте разобьем врагов, уничтожим капитализм, и тогда курпиза сможет какдежно походить на стол любого представителя освободившего человечества, никак забыв, что ее давний предок слышал такие мерзкие слова, как «спекулянт», «капиталист», «интернет», «голом».

— Предложение принимается, — ответил я стескляком.

— А как вы думаете, сколько членом Союза будем мы объединять лет этак через сорок?

— Не знаю, — сказал курпизин.

— Сто тысяч! — выпалил уралец.

— Миллион! — сказал я.

Нижегородец задумался.

— Ты, пожалуй, слишком зафанатизировался, хотя это тебе так и полагается, как пошу. Ну, миллион не миллион, а тысяч триста — это уж наверняка. А как, по-вашему, будет выглядеть?

— Вася-токарь даже встал.

— Изумительно! — произнес он, явно волнуясь. — Волюшею! Все будет в ней громадно и уютно, светло и радостно. Доминца — во! Сету! — во!

— Оно очень разумительно, однако правильно, — взмолился нижегородец. — Я тоже так думаю, а сказать не умею. Уверен, что действительность перекошет любые наши мечтания.

— На будущих наших съездах все страна придет к нам и задумается. Союз молодежи, сказал Вася. — Он совершит много замечательного, правда ведь?

После того как были прочтены стихи, исполнены танцы и спеты все имеющиеся у нас в распоряжении песни, нижегородец закрыл глаза и начал задумываться.

— Ну, пора, Скоро разведемся по домам, а я на фронт пойду. Встретимся ли — не знаю. Не ерди встретимся, через год или через четверть века, на съезде Союза — яв на первом месте! — прошептал он кому-то из молодежи, а что бы мы увидели, как гордится народ и партия Союзом молодежи, Российским Коммунистическим Союзом молодежи. И рассказам мы товарищам об этих чертах сухарь и сахарине, той ровной тушуре, Павел, о твоих меконгах во весь рот ботинках моды «танго, Вася, и в том, как мы все точно предугадали, какой будет Москва через сорок лет. Чем красивее будет жизнь, тем веселее мы будем рассказывать, как было трудно. И особенно здорово нам рассказывать, как расцвел наш Со-Советскую власть. Вот сообщим мы это нашим потомкам, а потом слышим, да так слышим, чтобы никто не смог забыть, как великолепно писали и жили на первом съезде молодежи!

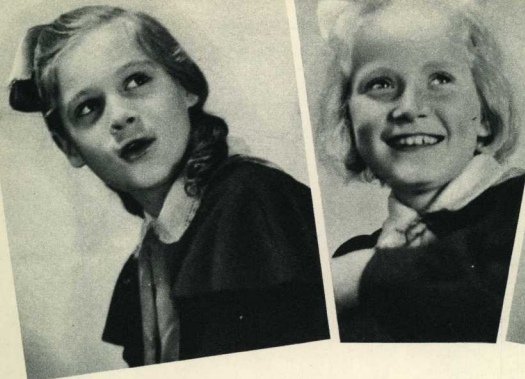
Предложение о приеме в члены Союза сказали все члены съезда. Все товарищески обменялись крепким рукопожатием.

Заключительное заседание съезда прошло в обстановке исключительной торжественности.

Съезд утвердил все решения секций, послал приветствие революционной молодежи Польши, заслушал и утвердил резолюцию по текущему моменту.

«Съезд съезда Российского Коммунистического Союза молодежи выражает свою полную солидарность с рабоче-крестьянской властью в ее борьбе за коммунизм. Мировая контрреволюция найдут в нашей среде должный отпор. Будем бороться с ней решительно и энергично. Ни шагу назад! Да здравствует грядущая революция! Да здравствует Российская Коммунистическая Партия большевиков! Да здравствует Советская власть!»

Стяг плечом к плечу единой, монолитной массой несли «Интернационал» делегаты Первого съезда РКСМ. Впереди шли трудные битвы, грандиозная работа. Могучим гимном коммунистов приветствовала страну социализма неиссякаемая молодость мира, имя которой — Комсомол.



ДВЕ ДРУЖИНЫ

Фото А. Моклецова.

Александр Сергеевич Самсов, известный в Орле передовик-рационализатор, был немного озадачен, когда к нему явилась делегация учениц 4-й женской школы и торжественно вручила приглашение прийти на совет дружины. Александр Сергеевич вопросительно взглянул на свою дочь Майю, ученицу седьмого класса той же школы, но Майя ничего не сказала.

Александр Сергеевич явился даже немного раньше назначенного часа. Старшая вожатая Валентина Салькова попросила его рассказать о работе на заводе. А совсем маленькая девочка, должно быть, младшая из членов совета дружины, любила: «И, пожалуйста, о том, как вы трудности преодолеваете».

Александр Сергеевич рассказывал подробно, без тени назидательности. Под конец он упомянул, что трудится уже в счет 1961 года. И все девочки посмотрели на него с восхищением. Потом председатель совета дружины Неля Степкина неожиданно спросила:

— Александр Сергеевич! А вот чем... как вы Майе помогаете? У нее же двойки...

Теперь отец и дочь стоят перед советом дружины, и несколько мгновений оба молчат. Наконец, Александр Сергеевич с за-

метым смущением человека, которому давно уже не приходилось оправдываться, стал говорить, что Майя ленилась, а он как-то не обращал на это внимания. Правда, он был в курсе ее дела, даже «Пионерскую правду» читал регулярно, но по настоянию дочери не помогал. Конечно, это с его стороны — большое упущение...

Затем выступили члены совета дружины. После того как отец рассказал о своих производственных успехах, Майе особенно стыдно было слушать упреки товарищей. Внимательно прислушивался и Александр Сергеевич к словам пионерки. Чувствовалось, что прославленному инноватору небезразлично мнение маленького пионерского коллектива. И еще большим удивлением к пионером проникся Александр Сергеевич, когда узнал о той интересной работе, которую ведет дружина.

Валерия Рыбалкина рассказывала, как девочки посетили старую учительницу-пенсонерку Евгению Степановну Комарову, которая раньше преподавала в 4-й школе. Председатель совета отряда третьего класса доложила совету дружины, что ее отряд приготовил подарки для «подшефных» — дошколят из детского дома. Третьеклассница сообщила об этом совету обстоятельно, серьезно, и только одно было забавно в ее речи: слово с высоты зрелого возраста произносила она «наши мамыщи...»

Но вот кто-то спросил ее:

— Как ведет себя пионерка Лазарева?
— Ей так часто последнее время делали замечания, что мы каждый раз не обещали, а ждали, пока накопится несколько проступков, и тогда уж обещали...

Раздался смех — такой выразительный, что в нем было и порицание неудачливого совету отряда, и искреннее удивление перед фактом: «Может же еще такое случиться в нашей школе!», — и непосредственность, которой так недостает иногда «заседающим» детям.

Завязался разговор о дружбе, о внимании друг к другу.

Председатель совета дружины Неля Степкина спросила пионеров одного отряда:

— Вот вы читаете книгу «Сила дружбы». Помогает она вам, становитесь вы дружнее?

— А мы только начали читать... — последовал осторожный ответ.



Делегация учениц 4-й женской школы вручает приглашение на заседание совета дружины Александру Сергеевичу Самсову.

— Но помогает все-таки?
— Помогает... немножко... — протянули они так же неопределенно.

— Есть опасное заблуждение, опасное и распространенное: считать, что книжный пример сам по себе наводит дружбу в жизни, — сказала старшая вожатая, когда мы остались с ней после совета в пионерской комнате. — Как будто можно взять, да и наводить дружбу по описанному образцу! Хорошо еще, когда так думает девочка, а бывает, что так думают и взрослые...

И Валентина заговорила о том, что только в общих делах, в совместных увлекательных затеях рождается пионерская дружба. Она рассказала, как возвратилась в коллектив Дуся Ветрова, совсем было переставшая посещать школу. Дуся пришла стихи и фантастический роман. Об этом Валентина узнала, придя к ней домой. Дуся сказала вожатой, что не будет больше ходить в школу; к ней плохо относятся девочки. И в самом деле, девочки отнеслись к ней насмешливо, называли фантазеркой. Может быть, они не вкладывали бы в это слово обидного смысла, если б Дуся хорошо училась. Но Дуся училась плохо, а этого в школе не прощали никому.

Салькова привела Дусю в школу. Никакого обсуждения ее поступка устроено не было, но в тот же день Дусю назначили корреспондентом общедружинной газеты. Ей тут же было поручено написать эссе-творение. Потом Дуся Ветрова стала редактировать заметки, часто такие, в которых говорилось о недостатках, присутствующих и ей самой. Постепенно работа в редакции вернула ее в коллектив.

Может быть, мысль о приглашении родителей на совет дружины, привлечение Дуси Ветровой к корреспондентской работе еще не представляет собой педагогического творчества, а забота школьниц о старой учительнице не так уж необычна. Наверное, но во всем этом пионерки и вожатая проявили живость мысли, инициативу и желание заниматься серьезным, полезным делом. А после посещения нескольких друзей школа скромные достижения 4-й школы показались нам не такими уж маленькими.

...

...Перед советом дружины 17-й мужской школы стоит пионер Нестепанин. Он давно уже учится плохо, а с некоторыми пор стал стирать двойки в своем дневнике и заменять их более высокими оценками. Подписи учителей он тоже научился подделывать. Нестепанин не выглядит ни смущенным, ни пристыженным. Незаметно, чтоб и совет дружины был обходившимся.

Молчание нарушает один из пионеров, который говорит вполголоса:

— А мать ему, наверное, за фальшивые пятерки деньги на кино давала! — И не-



Опытный библиотечник Лариса Сергеевна Сорокина прихотлива Виктора к чтению.



сколько мальчиков смеются. Но в их смехе нет ничего осуждающего. Никто не задает Нестепанину вопросов, и старшая вожатая Валентина Дронова сама спрашивает:

— Ведь ты исправился, Нестепанин? Он не спешит ответить, потом слегка кивает головой. И всем ясно, что это так, не вернее.

Общественного мнения в этом коллективе нет. Вот, например, как совет дружины давал рекомендации в комсомолу двум пионерам. Объем задания по два одинаковых вопроса председателя совета дружины и старшая вожатая. Оба пионера ответили одинаково, что двоек у них нет, тройки не ведет. Однако все единодушно, а вернее, равнодушно, проголосовали за то, чтобы рекомендации дать.

Но больше всего удивилась мы через минуту, когда увидели на приборной столешнице на доске фотографии многих пионеров из тех, кто был так пассивен на совете дружины. Над фотографиями висела надпись, которую, не веря своим глазам, мы перечитали несколько раз: «Активисты школы».

Разве можно считать этих пионеров

активистами? К тому же в настоящее коллективно активнее не стал редкое качество, чтобы для активистов устраивали нечто вроде Доски почета. И мы задались вопросом: куда же девается здесь мальчишеская энергия? Не может же быть, чтоб все мальчишки и безинициативными? Но раньше, чем мы задали этот вопрос вслух, Валентина Дронова сама на него ответила. Покинув голос, она проговорила:

— Наши мальчишки портят улица...

...Что такое «улица», мы себе представляли. Тутчас вспомнилось слышанное накануне на комсомольской конференции выступление директора Дома пионеров.

— Мальчишки из соседних школ, — сказала она, — двенадцать раз за месяц разбивали оконные стекла в Доме пионеров. Должно быть, директору показались, что впечатлительно от ее слов недостаточно скандно, и она добавила:

— Двойные стекла, товарищи! Разговаривая с пионерами, мы упомянули и об этих стеклах.

— Так ведь в Доме пионеров нам делать нечего, выпинать, что ли? — сказала один, ничем не выразив порицания разрушительным порядкам.

Я слышу восторг
Союза Советских
Социалистических
Республик,
перед лицом
своих товарищей
осуждая,
что ныне творят стволы
за дело
Ленина-Сталина,
за победу коммунизма.
Осуждая
нельзя и учиться так,
чтобы стать
настоящим гражданином
ЛДР Социалистической
России.



Теперь отец и дочь стоят перед советом дружины...

Другой выразился резко:

— Пускай их там прокует, может, что интересное придумают... Я вот хотел бы яхту построить, а где?

— Да, негде... — согласился первый. — Но почему яхту? Мало ли что можно!

Они хотят дела, конкретного, трудного и настоящего. А что им предлагают?

— Мы готовимся к костру, — рассказывает Дронова, — и, знаете, он будет совсем необычным! Мы обложим электромотор поленьями, включим ток, и получится иллюзия, что это настоящий костер. А огня не будет! — заканчивает она торжественно.

Верим, огня не будет. Конечно, речь идет не о том огне, от которого могут загореться стены. Само собой, никто не ставит, чтобы в школьном здании закинулись настоящие костры. Речь идет о другом. Мы запоминавали, чему собираются посвятить костер в 17-й школе, но мы помним, что в нескольких других школах говорили о воображаемом, по карте, путешествии в Москву, которое получат право совершить только те, у кого в четверти не окажется двоек.

И мы представлял себе, как на таком сборе вокруг стола уселся ребята, что бы отправиться в воображаемое путеше-

ствие. Пройдет утомительных полтора часа, и вожатый запишет в дневник дружины, что проведено еще одно мероприятие.

Но, право же, это не работа, а лишь иллюзия работы; работа без огонька! Кажется, что-то сделано, а на самом деле ничего не сделано. Ибо мальчишки не чувствуют прелести воображаемого путешествия.

И, наверно, именно поэтому учения 10-й оравловской школы шестиклассник Виктор Антонов дважды в течение последнего года, никого не оповестив, пуускался в путь — мечтал добраться до Черного моря, до Одессы. Оба раза его, конечно, возвращали домой, в Оре, и справедливо отчитывали. Но страсть путешественника живет в нем. Ее надо только верно направить. Виктор с увлечением говорил, например, об экскурсии по историческим местам города Оре, предпринятой недавно учениками школы под руководством старшей вожатой Тамары Афанасовской. Он мечтает еще о чем-нибудь таком же.

Опытный библиотекарь Лариса Сергеевна Горювая приохотила Виктора к чтению. За книгой он ездая немало открытий. Все в школе рад, что Антонов стал много читать. Он сказал нам, что уже прочитал

все, что есть в библиотеке интересного, и называ пять книг, которые хотя бы почитать, — все приключенческие. Но Антонов, как и большинство мальчишек, — натура деятельная. Одними книгами, одними беседами его «не прокормишь». И об этом надо помнить вожатым.

На городской комсомольской конференции после выступления делегата, резко критиковавшего руководство пионерской работой в городе, в зал вошли пионеры. Раздалась звуки горнов, и предводительствуемые знаменосцами, ребята торжественно промаршировали к сцене. Им аплодировали, как никому, горячо и долго. Но самые веселые и одобрительные овации, какую нам пришлось слышать, возникла в зале, когда ребята произносили хором, отчетливо и чуть озорно:

Не легко вонзатим в школу.
Если мы начнем шуметь.
С нами надо считаться,
Надо выдержку иметь.

А мы подумали, что помимо этих качеств вожатому необходимо обладать еще знаниями, инициативой, любовью к своей работе, и тогда увлекательным пионерским делам не помешает ничто.

М. БРЕМЕНЕР



Рисунок В. Богаткина.

В. МОНАСТЫРЕВ

В ГОРАХ

Рассказ

Когда группа туристов подходила к лагерю, расположенному на перевале, ее обычно встречал маломыслящий человек в громоздких горных ботинках — сторож Коля Горохов. Щеки у него были толстые, румяные, розовый нос пугливый, серые глаза смотрели серьезно. Улыбался Коля редко, зато его вид вызывал улыбку даже у самых усталых туристов.

— Знакомьтесь, директор лагеря, — рекомендовали Колю инструкторы.

Туристы, смеясь, познакомились с Гороховым и потом, обращаясь к нему, называли его не иначе, как директором. Он откликнулся на это обращение, но с таким видом, как будто хотел сказать: «Что с них возьмешь?» И вообще относился к туристам снисходительно, как серьезный человек к людям легкомысленным.

На вид Коле лет пятнадцать, но ему уже исполнилось семнадцать. Зимой он работал в совхозе и учился в девятом классе вечерней школы. Коля ненавидел свои пухлые щеки и в горы ушел на лето потому, что втайне надеялся там похудеть и стать похожим на взрослого мужчину.

Лагерное имущество, хранителем которого был Горохов, составляли десять палаток-гималаек и двадцать спальных мешков. Но Коля включал в свое хозяйство и буковую рощу, на опушке которой был разбит лагерь, и скалистую вершину Хошта, и речку с ледяной синевой водой, что шумела в двухстах метрах от палаток.

Правда, хозяйничал он тут не один: за рекой жили геологи. У них там стоял дощатый домик и две палатки с квадратными окошками.

За два месяца жизни в лагере Коля обошел все окрестности и два раза поднялся на вершину Хошта. Говорили, что оттуда в хорошую погоду видно побережье и даже корабли в бухте. Коля ничего не увидел, зато на собственном опыте убедился, как труден и опасен подъем на Хошт. Правы были скотоводы с альпийских лугов, предупреждавшие, что в одиночку ходить туда не следует. А Коля отправлялся один. Караясь по скалам, он ругал себя за опрометчивое решение подняться на эту прокатую гору, однако до вершины добрался.

Хошт, как и всякая вершина, имеющая добрых три тысячи

метров, часто кутается в облака, и даже в самые погожие дни за нее делаются бродячие тучки. Снизу любопытно смотреть, как путаются они в скалистых отрогах, свечным салом оплавляют по снежникам и виснут на влажных стенах обрывов. Если в этой игре участвует еще и солнце, то зрелище становится во много раз красивее: скалы из грифельно-черных становятся розовыми, густое облако, бывает, долго борется с солнцем, не пропуская его лучи, и вдруг сразу все пронизывается светом, точно вспыхивает изнутри.

Да, приятно любоваться этим великолепием снизу, но когда на скальной тропе тебя постигает облако, тут уж не до красот природы. Все погружается в густой и вязкий туман, терпящую всякую ориентировку, и кажется, что даже камни под ногами превращаются в зыбкое месиво.

Во время второго спуска с Хошта Коля попал в облако, к счастью, небольшое, но все же почасую, проведенные в тумане, запомнились ему надолго. И это воспоминание удерживало его от третьей попытки взобраться на вершину, хоть и очень хотелось увидеть корабли в бухте.

Однажды, обследуя дальний участок буковой рощи, Коля услышал, как совсем близко испуганно вскрикнула женщина. Откуда она тут взялась? В лагере никого не было: новая группа должна была прийти только к вечеру. Коля спустился в долину, перелез через поваленное дерево и увидел на камне у ручья девушку в синем комбинезоне и резиновых сапогах. Она стояла в такой позе, будто вокруг раздалась кипящая лава и камень был ее последним убежищем.

— Что случилось? — спросил Коля.

Девушка, не взглянув на него, ответила:

— Змея!

У Коля была уже некоторый опыт по борьбе со змеями. Он быстро заметил гадюку, легко скользящую в густой траве, наступил и прикончил двумя ударами своего топорика.

— Готово! — сказала он, возвращаясь к девушке.

Девушка спрыгнула на землю. Ее длинные светлые волосы рассыпались по плечам, а глаза были синие-синие. Расстегнутый воротничок блузки открывал не тронутую загаром шею.

— Ой, как я боюсь змей! — призналась девушка. — Если бы не ты, простояла бы на этом камне подня... Я почти наступила на нее, — она передернула плечами. — А ты — директор?

— Меня зовут Коля... Николай Горхов. Девушка не обратила внимания на официальный тон.

— Я тебя сразу узнала: мне про тебя рассказывали... А меня зовут Любюй, я геолог, сюда на практику приехала.

— Будем знакомы, — серьезно сказала Коля и протянул руку.

После этого случая он стал чаще заглядывать к геологам: все неформальные беседы с начальником партии, смотрел, как на маленькой площадке под скалой играют в волейбол, слушала радио — у геологов была приемник. Коля старался держаться поближе к Любе и подолгу смотрел на нее, но если рядом не было никого, кто бы мог это заметить. Коля знал, когда девушка уходит с группой в горы, и прождал ее, следуя на почтительном расстоянии. Обычно Люба шагала вперед, вода в поводу лопалась, оседланную под веру, вторым шел кто-нибудь из геологов, а за ними двое хапцев в соломенных шляпах подгоняли добродушного ишака Янку, на которого была навешен инструмент.

Когда группа должна возвратиться, Коля тоже знал и выходил навстречу. Он устраивался где-нибудь у тропы и терпеливо ждал. Заметив геологов, он делал вид, будто оказался на тропе совершенно случайно. Возвращалась группа в прежнем порядке, только теперь Люба ехала верхом и непременно держала в руке кармачик-нибудь веточок.

— Со счастливым возвращением, Люба — приветствия ее Коля.

— Спасибо, — кивала головой девушка. — Ты что тут делаешь?

— Да вот забрел...

Люба смотрела на его худые, румяные щеки, на розовый нос пугловой, ей делало весело, и она широко улыбалась. Он улыбался ей в ответ, приставляясь в хвосте небольшой колонны и, помехивая своим топориком, шел так до самого лагеря. Никто не мешал ему смотреть на Любу, ехавшую вперед, и он не спускал с нее глаз. Тяжелые горные ботинки шлепались за камни, путались в ползучей траве, но взгляд его был устремлен вперед, туда, где показывалась в седле светловолосая девушка.

Коля узнал, что она любит цветы. Он излазил окрестные кручи и собрал букет синих и яркокрасных цветов, похожих на колокольчики и маки. С этим букетом он встретил Любу на тропе и, смущаясь, неловко подал ей. Девушка порозовела от удовольствия и спрятала в цветы лицо. Она ничего особенного не сказала ему — обычные спасибо, — но Коля был счастлив. Он отскочил для нее костылику и ершичку, ходил к наступаем с свежим сыром и будто невзначай угощал ее этими горными лакомствами.

— Где ты все это добываешь? — удивлялась Люба.

— Так, случайно попалось, — отвечал он, отводя глаза, — сам наелся, ну и с собой захватил немного.

В августе геологическая партия получила пополнение: пришли трое рабочих и один геолог, высокий красивый брынет. Через несколько дней просто Сашей. Саша отпустил курчавую бородку, которая живолицо обрамляла его открытое молодое лицо. Первое время он часто навлевался по вечерам в лагерь — играл с туристами в карты и есан приходило, то не один, а Любой, и вообще они теперь были почти всегда вместе, даже в горы Люба отправлялась чаще всего с ним. По тому, как девушка смотрела на Сашу, стараясь перехватить его взгляд, как обирачивалась на его зов любил геолога. Стало горько и грустно и захотелось уйти отсюда подальше, чтобы не видеть ни ее счастливого лица, ни довольной бородатой физиономии Саши, ни этих гор, которые были так равнодушны ко всему, что творилось у него, Николая, в душе.

Кроме того Саша не видел самолюбия Николая. Когда тот приходил к геологам, Саша громко восклицал: «Геологи, мирно, равнение на директора!» И смеялся над коалиными ботинками и худыми щеками, которые называла помидорами. Все это говорилось при Любе, и та ни разу не одернула Сашу.



Коля перестал бывать у геологов. Тянуло его туда сильно, однако он крепился. Как назло, стояли сказные лунные ночи. В такие ночи гранитная вершина Хошта с ее острыми зубцами, со снежниками и блестящими шапками скалами задерживается тончайшей голубоватой дымкой. Ничто не движется на ней, не плавается, только над снежниками иногда мнутесь холодные голубые искры. И седловина перевала с двумя пихтами ступит в лунном безмолвии, строгая и четкая на фоне бездонного светлого неба. Буковая роща стоит темная и глухая, раскинув над маленькими серебристыми платками свои черные, словно тушь парисованные, ветви.

Туристы, народ шумный и беспоконный, в такие ночи становился тихими и задумчивыми, после ужина сидели у догорающего костра и негромко лежали. Коля бродил вокруг лагеря, смотрел на далекую холодную луну, на голубую вершину Хошта и забывался в свою палатку, нырял в спальный мешок, но желая ничего видеть и слышать. Но от летиса спрятаться не удавалось. Только глубокой ночью, когда затишье лагеря, Коля засыпал и видел беспоконные силы срывался со змеями, карабкался на скалы, повиснув над пропастью, всматривался вдале, стараясь

разглядеть море и корабли в бухте... А вот Любу, как это ни странно, он не видел ни разу.

Коля поперену много бродил по окрестностям в пути ему была ласка. На полях сланило и пощипывало от обнужки целое поле красных, синих и голубых цветов, какие раньше ему попадались редко. Но теперь все это богатство было ни к чему, и он уже хотел спускаться вниз, но почему-то задержался, нарвав огромный букет и только тогда вернулся в лагерь. Ему совсем не хотелось идти в горы, но почему-то ему было жалко. Он завернул букет в мокрую тряпку и спрятал в своей палатке. А вечером, когда сквозь черные ветви буков опять заглянула в лагерь луна, Коля решил отнести букет Любе. Он не собирался преподнести его открыто, он, он решил сделать это незаметно, чтобы Люба не знала, кто подарил цветы.

Держась в тени, он подкрадывался к лагерю геологов со стороны перевала и долго осматривался и прислушивался. Здесь почти все спали. Вокруг было тихо. Притихнув, Коля перебежал освещенную луной площадку и приникая записывать букет в одну из палаток, где жила Люба. Цветы застрелил в перелазе, половина букета осталась снаружи. Неподходяк раздались шаги. Коля, не оглядываясь, побежал назад и потому не видел, как из-за палатки вышел строгий Яшка, бродивший в поисках чего-либо вкусного. Обстоятельно рассмотрев и обнюхав цветы, ишак приникал с задумчивым видом жевать букет.

— Коля тем временем вернулся довольный к своим палаткам и улегся спать. Он представлял себе, как утром Люба прочтется, увидит цветы и обрадуется. Она, конечно, догадается, чьи это духи дело, и может быть, даже зайдет в туристский лагерь, чтобы поблагодарить Колю.

— Коля тем временем вернулся к себе в палатку. На перевале приближение осенней было особенно заметно: чаще стала портиться погода. Тучи на целые сутки толпой обкладывали перевала, а когда наконец прояснялось, то все видели, что на горах прибавилось снега. — Было извлекать мази на темных скалах спускались ниже. Иногда из ущелья, словно из труб, тянуло холодом.

— Коля напрасно ждал Любу: она не приходила благодарить за цветы, — и он решил, что «теперь все». Юноша ни разу не заглянул в лагерь геологов, избегая тропок, по которым они ходили, и с нетерпением ждал сентября, когда можно будет, проведя последнюю группу туристов, спать лагеря и уйти с перевала.

— Люба пришла, когда он ее совсем не ждал. Это случилось в воскресенье. С утра стояла на редкость ясная погода, было солнечно, тепло и тихо. А после полудня из ущелья вдруг дохнула холодная, над перевалом задул вихрь, сначала желтый, затем белый балак, потом они быстро стали густеть, и вскоре вершина Хойшта скрылась в тяжелых тучах.

— Коля теска колышек для палатки, удобно устроившись на обрубке дерева. Увидев Любу, он поднялся ей навстречу, и на лице его, которому он пытался придать выражение холода, появилось подобие улыбки. Люба пришла в сопровождении Яшки. Люба была чем-то взволнована. Она быстро тряхнула его руку и сразу спросил:

— Ты знаешь дорогу на Хойшт?

— Знаю. А что?

— Сама утром ушла туда и вот...

— Он один ушел?

— Коля.

— Коля взглянул в сторону Хойшта, но ничего, кроме плотных туч, не увидел.

— Да, на Хойште сейчас не очень весело, — покачал он головой. — А что это его туда потянуло?

— Люба не стала рассказывать, как отговаривала Сашу и как он, усмехнувшись, ответил ей: «Что ты меня пугаешь? Директор ладна на Хойшт Ладна. А я что, хуже этого парнишки?» Люба пропустила вопрос Николаю мимо ушей.

— Ему почему-то уже хотелось увидеть ее, — а его все нет. Мы идем на поиски. Никто из наших на Хойшт не подымался, тропы не знает... Я пришла просить тебя пойти с нами...

— Коля помедлил с ответом. Это не было колебание, он просто представил себе Сашу среди скал, увидел его красивое, обрамленное курчавой бородой лицо и нахмурился так...

— Я пойду, — сказала Коля, — выйдите на тропу, я буду вас там ждать...

— Люба побежала за своими спутниками, а Коля направился к палатке, достал стеганую куртку, шапку с гвоздем на конце, которая заменяла ему альпеншток, и полюбиле надвинув свою старую шапку, быстро шагнул в сторону окутанной туманами Хойшта.

— На поиски Саша почти начальник геологической партии. Люба и двое рабочих — те самые догадливые ребята в соломенных шляпах, которые всегда сопровождали геологов. Начальник, младший помощник и двое рабочих шли наскоро, только дружелюбно дулом вниз болтались у него за плечами. У Любы была надежда через плечо санитарной сумки, рабочие несли мотки веревки и ледорубы.

— До зеленой седловины, которая отделяла Хойшт от долины гряды скал, возвышавшейся над альпийскими лагунами, пролегал путь к начальнику партии. Коля не знал, что означала для него долина, он уступил свое место Коле: тут уже надо было искать тропу. Коля уверенно повернул влево, и группа скоро угаубалась в скалы. Зеленый вокруг исчезал, всюду громадились камни, сначала это была мелкая осечка с отдельными крупными валунами, потом появились громадные остроугольные камни, серые, с железистой, с ржавыми подтеками на влажных грядках.

— Чем выше поднимались, тем хуже становилась видимость, сырой туман обволакивая путников, водяная пыль оседала на лицах, пропитывая одежду. Ити становилось все трудней.

— Нет, нет, — возразила девушка, — я пойду с вами... Мне не трудно, совсем не трудно...

— Начальник вопросительно посмотрел на Колю. Тот взглянул на Любу, и она сказала: «Пойдем!»

— Ничего, пусть идет, — сказал он, — вытисни.

— Дорога круто пошла вверх. Группа ступила на узкую тропу. Справа скала, а как она высока, не определили: скользкая серая стена горелась в тумане. Слева пропасть, тоже забытая зыбким туманом, он тут-то густел, то делалась жужка, колышет, каулится. Путники связались веревками и стали карабкаться выше. Люба шла предпоследней. Коля взял у нее санитарную сумку и отдал ей свою шапку с гвоздем.

— Тропа вышла на небольшое плато. Здесь гулял пронизывающий ветер, но дышать сомневался полнее туманом, но видимость все равно была хорошая, потому что уже сморкался.

— Пострелять надо, — обернулся Коля к начальнику.

— Тот сейчас же перекинул ружье из-за спины и, не снимая ремня, два раза выстрелил в воздух. Эхо негромко откликнуло в скалах, точно звук уязв в тумане. Путники постояли, прислушиваясь. Горы молчали.

— Пойдем дальше? — спросил начальник Коля, на которого сейчас все смотрели, как на старшего.

— Да, — ответил Коля. — Сейчас будет трудный подъем.

— Они пересекли плато и очутились у нижней стены, покрытой трещинами и отвесами. Коля, не дожидаясь разрешения, распустил руки, расставил ноги в тяжелых ботинках, распылился на скале и, как иерка, двинулся вверх. Закрепившись на первом выступе, втащил туда начальника. Потом подтянул остальных. И снова Коля пошел вверх, на следующий выступ. Так продолжалось до тех пор, пока все не выбрались на широкую гранитную площадку. Туман здесь совсем поредел, над головой плавная жиденькие тучки, сквозь которые просвечивало синее небо.

— Начальник снова выстрелил два раза и, сложив руки рубром, закричал: «Ого-то-го!» Остальные тоже стали кричать.

— Горы возвышались эти возлзаст, раздробил и уможив их так, что издали, по крайней мере с трех сторон кто-то отзывается на зыва.

— Но, едва эхо замерло вдали, все услышали чей-то слабый голос. Он стих, точно растаял, но минуту спустя прозвучал опять. Кто-то явно отказался на выстрелы и возлзаст.

— «Ого-то-го!» — еще раз крикнул Коля, и дожидаясь ответа, пошел на голос, увезая за собой спутников.

— Перебравшись через нагромождение крупных остроугольных камней, они пошли прямо на голос. По пути им попался небольшой снежник. Снег шуршала под ногами, сухой и смучный, как снег, что залосонил в дождливый день подлый гранитный осколок, все увидели Сашу: он сползал с высокого валуна.

— Обогнав идущего впереди него рабочего, Люба бросилась к Саше, но веревка не пустила ее, она споткнулась и ушла, вскопала и опять устремилась вперед.

— Саша сбежал с камня, медленно выпрямился и, припадая на правую ногу, сделал несколько неверных шагов. Лицо у него было серое, в борозде застыла ледок.

— Это вы, — заговорил он, — вы... Спасибо, что пришли. — Саша не то усмехнулся, не то всхлинул, прислонился к гранитному осколку и, обмякнув, опустился на землю.

— Люба побежала к нему первая, опустилась на колени и молча стала гладить его по волосам. Он продолжал говорить, как во сне:

— ...Хорошо, что пришли, хорошо... и директор здесь... это хорошо...

— Коля закурил трубку и старался не смотреть на Любу.

— Саша два раза встал, он успокоился и рассказал, его как накрыло тучами, как он пошел назад, но заблудился, ушиб ногу и застрял в этих громадных камнях.

— Сашу «влянул» в середине цепи, и Коля повел тропу вниз. Саша и Люба, и зеленая седловина уже поздно вечером. Небо отливало от туч, и над головой в широких темносиних променах ярко горели белые звезды. Коля проводил геологов до реки и распрощался с ними. Ему все пожал руку, а Люба сказала: «Большое спасибо». Он ответил: «Не за что» — и посмотрел ей в глаза. Его взгляд утонул в спячести лица, и твердость в камени он отсюда, и необычное для него самочувствие — ощущение своей силы и старшинства, какое он впервые испытывал, говорил с Любой.

— Но вот они ушли, растворились в темноте, только слышно было шаги, идущие на спуске к реке. Коля вдруг стало тоскливо и одиноко, он почувствовала острое желание побжкаться за ушедшими, догнать Любу, идти с ней рядом, видеть ее. Он даже сделала несколько шагов вниз по тропе, но потом взял себя в руки и повернул назад.

— Коля вернулся в лагерь, съел банку консервов и, подсев к костру, напился с туристским чаю. Ему стало легче. Он с удальством слушал, как поет туристы, провожал глазами искры, которыми стреляли в небо сучья пихты, пылавшие в костре, и ему казалось, что они не гаснут в воздухе, а улетают высоко-высоко, и звезды и звезды становятся звездами.

— Он спал, от тепла его разморозил он встал и чувствовал сильную усталость, ушел в свою палатку. Уснул Коля сразу, спал крепко, без сновидений, как спит выдоравливающиеся.

г. Краснояр.



В пустыне Каракум.

Дипломная работа И. Е. Лычева.
Ленинградской институт живописи,
скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.



После собрания.

Дипломная работа М. К. Клонского,
Ленинградский институт дипломатов,
специальности «Архитектура» имени И. Е. Щеглова

Чья вина?

ПИСАТЕЛЬ ПАВЕЛ ШЕБУНИН ОТВЕЧАЕТ ЧИТАТЕЛЮ

Передо мной лежит пачка читательских писем. Судьба Юрия и Веры, героев рассказа «Чья вина?», взволновала многих женщин и девушек. Одних интересует фактическая сторона дела: была ли такой случай в жизни? Если бы таких случаев не было, то, конечно, не стоило бы писать рассказ. Но я и не ставил перед собой задачу написать очерк об одной молодой семье. Я не могу сообщить читателям адрес института, где учатся Юрий и Вера.

Несколько случаев, которые произошли в жизни, натолкнули меня на мысль написать этот рассказ. Я не ожидал, что по нему столько откликов, да, собственно говоря, это не столько отклики на самый рассказ, сколько взволнованный разговор читателей о дружбе, товариществе и любви, о чистых чувствах нашей молодежи, которой чудят какие-либо расчеты.

У нас нет женщины-бесприданки, как нет и молодых людей, которые в силу своего общественного положения не могут надеяться жениться на избранных своего сердца. Когда-то, в дореволюционной России, было такое понятие: неравный брак. Неравный не по уму, не по образованию, а по материальному положению, по месту занимаемому в обществе. Понятие это давно забылось, потому что в нашем свободном обществе каждый юноша и каждая девушка могут добиться любого положения, потому что как давно уже метлой определена наш народ, каждый сам кузнец своего счастья.

Прапурки крепостных крестьян становятся в нашей социалистической стране знаменами. Среди наших друзей видными общественными деятелями, депутатами Верховного Совета, учеными, знатными стхановцами, писателями, артистами, художниками.

Руководная деятельность — вот что определяет положение человека в нашем обществе. Чем лучше ты работаешь, тем больше уважают тебя не только твои товарищи, но и весь народ.

У нас никто не может насильно выдать девушку замуж за человека, которого она не любит. И трудно представить себе молодого человека, который, вступая в брак, руководствовался бы не чувствами, а тем, какое приданое у его невесты.

Но все же у нас бывают несчастные браки. В одних случаях причина в том, что молодые люди, вступая в брак, не задумываются, действительно ли они глубоко любят друг друга, действительно ли они нашли себе друга на всю жизнь. Увлеченные они готовы принять за любовь, случайное знакомство — за подлинную дружбу. Потом наступает разочарование, чувства искверканы, любовь разбитая, жизнь испорчена. Выбывает, что она испорчена не только у одного из супругов, но и у вступивших в брак. Страдают и их дети, лишившиеся настоящей семьи, нередко растущие без отца.

Выходят и другие причины. На одной читательской конференции мне пришлось услышать про такой случай.

Началась война. Юноша, успевший окончить только девять классов, поступил в летное училище, потом попал на фронт. Он воевал в одной из частей с ним служила девушка, окончившая в войну педагогический институт. Вместе воевали, подружились, потом стали мужем и женой. Казалось бы, у них было все, что нужно для счастья. Где уйдет человек, как не на войну, где любой заслонит друг своим телом от осколков вражеских сна-

рядов и бомб или действии с ним посаженных сучками, если он проверяется своими боевыми делами!

Но оказалось, что у подруги молодого летчика была в душе червоточина. Она мечтала о легкой и привольной жизни после войны. Ее муж был лейтенантом, она думала, что он станет потом полковником, а быть может, и генералом. Но война окопчалась, и молодого лейтенанта демобилизовали. Он поехал к жене на родину, думая там найти работу, освоить школу рабочей молодежи, учиться дальше. Но молодой женщине такие перспективы не устраивали. Она испугалась мысли, что ей придется помогать мужу, у которого всего девятиклассное образование. Ей казалось, что жених ее жестоко обманул. Как, выйти замуж за блестящего офицера, награжденного орденами и медалями, и оказаться женой человека без всякой специальности, даже без законченного среднего образования! Беловок с жалкой душонкой, она не сумела стать кузнецом собственного счастья. Она разрушила семью, оставила ребенка без отца.

Он уехал в Москву, откуда уходила на фронт. Поступил на завод, приобрел специальное образование, окончил школу рабочей молодежи и институт. Его оставили в аспирантуре. Он блестяще защитил кандидатскую диссертацию, стал научным работником.

А его бывшая жена все ждала, когда же она встретит человека, достойного ее, человека, который мог бы ей создать материально обеспеченную жизнь. Однажды она увидела в газете фамилию своего бывшего мужа. Ее внимание привлекло, что он стал научным работником. До этого она вспоминала о муже лишь тогда, когда получала алименты, несколько удаляясь, но он стал так хорошо зарабатывать. Теперь она ревновала себя да ведь это был именно тот, о ком она мечтала все годы! Она стала писать одно письмо за другим. Теперь она беспокоилась о том, что ребенок растет без отца. Она умоляла вернуться. Но он уже знал настоящую цену своей бывшей подруге. Он знал, что не любовь, а материальные интересы движут всеми ее поступками. Он мог бы вернуться к сыну, но не хотел возвращаться к женщине, так обманувшей его первое горячее, настоящее чувство.

Пережитый капитализм сказывается не только в отношении к труду, к социалистической собственности, к своим общественным обязанностям. Они сказываются и в личных отношениях.

Приведу еще мне другой случай. Девушка работала на заводе, жила в общежитии. Познакомилась с молодым рабочим другого завода. Они подружились, потом, как и казалось, полюбили друг друга. Он тогда был студентом. Может ли сказать, что их положение было безымянным? Нет, заводские организации, несомненно, дали бы со временем комнату молодой семье.

Но он не захотел ждать и решил жениться на девушке, у родителей которой была квартира из двух комнат. Его чувства оказались очень мелкими, достойными человека капиталистического общества, хотя на производстве он считался неплохим рабочим.

Общаясь с рассказ «Чья вина?», многие читатели прежде всего винят родителей Веры.

Бессспорно, родители Веры принесли немало зла своей дочери. Они воспитали ее эгоистично и самоуверенно, не привили ей уважения к труду. Познакомив-

шись с Юрием, они не увидели его положительными черт — глубокой порядочности, верности чувству. Они помнили только первую часть пословицы: «Юр сдежке встречают...» Им казалось, что Юрий обманул их надежды — ведь Петру Петровичу всегда мечталось, что его дочь выйдет замуж за каку-нибудь знаменитость. А Дарья Максимовна, которая сама когда-то работала на фабрике, теперь привыкла на все смотреть глазами мужа. И вот они готовы разбить семью дочери, разбить ее счастье, только потому, что Вера не оправдала их надежд в выборе своей судьбы.

Таким, как Петру Петрович и Дарья Максимовна, у нас, к сожалению, еще немало. Они прилаживают все усилия, чтобы выдать дочь за человека, уже добившегося определенного положения в жизни. Они думают, что высокая заработная плата, хорошая обставленная квартира, персональная машина доставят автомашину лучше всего говорят о качествах человека. Иногда им удается испортить своей дочери жизнь, выдать ее замуж за человека, который ее не любит, которого палила лишь ее молодость, а человека, которого она сама не любит.

Прокридит несколько лет, и они начинают удивляться, что жизнь дочери не удалась. «Разве мы не сделали все для ее счастья?» — с удивлением и горечью спрашивают они сами себя.

Конечно, они не выдавали свою дочь замуж силой. Они просто воздвигли перед ней своим авторитетом старших товарищей, своим жизненным опытом, не задумываясь, что старая мера, позамысливавшиеся бабушек и прабабушек, давно обветшала.

Быть может, та бывшая жена лейтенанта, которая испугалась, что у ее мужа только девятиклассное образование, тоже посудивалась советом родителей. А потом сказала: «Кто бы мог подумать, что он станет научным работником!»

Но нельзя всю вину сваливать на родителей. Взрослый человек сам отвечает за свои поступки. Мы можем понять, почему Вера, вначале такая решительная, оказалась трусихой, спавшая перед первыми трудностями, променяла первую чистую любовь на те удобства, которые ей могли предоставить родители.

Можно понять, но не можем оправдать ее поступков. Она не решилась спорить с родителями не только из уважения к их авторитету. Ее страшная мысль, что теперь надо возиться с ребенком; эти заботы она решила переадресовать на плечи своей матери.

Вера легкомысленно вышла замуж, почти не узнав Юрия. Как правильно пишут многие читатели, да, это было игра в любовь. Но игра в любовь — это не игра в Вере, Юрий тоже легкомысленно пошел на решение своей судьбы. Он идеализировал Веру, никого лучше ее не существовало для него на свете.

Его вина в том, что он самовольно подчинился ее выбору. Он самовольно согласился, волевым капризом, что он не сумел вовремя напомнить Вере о ее обязанностях матери и жены.

В характере Веры заложены многие хорошие задатки. Она искренна, прямо, правдива. Ее сердце мучилось тем действительным положением, которое создалось: то ли есть у нее семья, то ли нет. Она по-всему любит Юрия.

Вера воспитывалась не только в своей семье. Ее характер формировался в школе, известное воздействие на нее успела ока-

зат и студенческий коллектив. Надо думать, что все лучшее в ее характере — от воспитания в коллективе. И последнее обязательство с Юрием заставляет ее задуматься над всем происшедшим.

Она видит, что Юрий уже не тот счастливый мальчик с которым она пошла в загс. Он повзрослел, возмужал не только внешне. Переживания закаляли его, он хочет бороться за свое счастье, за счастье Веры, за счастье их маленького сына.

Многие спрашивают: какой же конец расказа. Конец уже написан — Вера и Юрий долго задумались о судьбе своей семьи. Вера поняла, что не так легко ей отказаться от Юрия, оставить сына без отца. Надежды ли в будущем их жизнь? Да, должна надеяться, потому что в характере Веры есть много положительного и потому что Юрий готов бороться за свое счастье. Пусть будет ей трудно учиться и самой воспитывать сына — поможет государство, поможет коллектив. Можно получить отдельную комнату в студенческом общежитии. Можно отозвать ребенка в ясли.

Ведь многие студенты умеют создать крепкую семью, которая не мелеет, а, наоборот, помогает им в личной жизни, в учебе.

Вере и Юрию их счастье давалось нелегко, потому что вначале оно казалось им самым бесоблачным. Они не задумывались над тем, какие серьезные обязанности они на себя берут. Юрий оказался гораздо тверже Веры, он этих трудностей не испугался.

Некоторые читатели в письмах спрашивают: неужели Вера и Юрий опять пошли к родителям Веры? Я понимаю их беспокойство: как бы родители Веры снова не появились на своем даче. Но теперь вряд ли им удастся. Вера задумалась, зачем задумалась над судьбой своей семьи, своей, а не семьи своих родителей. Пусть не сразу будет предоставлена комната в общежитии или найдена где-нибудь в городе, но это уже не будет для них домом. Вера уже совсем не слышит Юрия, она поняла, что любит его больше, чем в тот день, когда отравили ее в загс. А большая, настоящая любовь не боится никаких трудностей.

Почему студенческий коллектив ничего не сделал для того, чтобы помочь Вере и Юрию сохранить семью? Этот вопрос также волнует многих читателей. Чуткие, внимательные товарищи могли заметить, что в семейной жизни молодоженов не все благополучно. Правда, формально все было в порядке. Вера жила пока у родителей — ей так легче воспитывать ребенка. Юрий избегал разговоров о семейных неурядицах, он не хотел, чтобы плавал хоть какой-нибудь тень на Веру, которую он продолжал любить. Но ведь не обязательно нужно какие-то официальные заявления для того, чтобы заинтересоваться судьбой друга. В данном случае коллектив не оказал молодой семье необходимой помощи.

Студенты одного из ленинградских институтов рассказывают о том, как внимательно подошла их коллектив к молодой студенческой семье.

Тут тоже не сразу все было гладко, но товарищеская чуткость помогла наладить семейную жизнь.

Разговор читателей о судьбе Веры и Юрия перерос в большой разговор о дружбе, любви и товариществе.

Высказывания читателей рисуют светлый образ нашей молодежи, не признающей никаких компромиссов в чувствах, высоко требовательной к своим товарищам, сурово осуждающей пережитки прошлого в личной жизни.

В нашей стране создаются все условия для большего человеческого счастья. У Коммунистической партии нет другой заботы, кроме заботы о счастье народа. Коммунистическая мораль учит нашу молодежь, как надо бороться за счастье, подлинное счастье советских людей, строящих коммунистическое общество.

ОТТО ГЕЛЬСТЕД

МЫ СЧАСТЬЯ ЖЕЛАЕМ...

Мы видели рабство, мы знали несчастия,
нам спиной халаста покорилаеа кнугт.
Не верим агунам мы, что, ставши
у власти,
за звонкие доллары нас продают.

Что стаало теперь с их посулами,
с аложку,
которой они ослетали умы?
они нас предали снова, быть может,
но новой войне воспрепятствуем мы!

Мы знаем, есть мир, где все власть
у народа,
где нет ни наемных рабов, ни господ,
где труд — не проклятие, где правит
свобода,
где жизнь, как поток полноводный, течет.

И этого счастья мы тоже жееаем!
Кто трудится, пусть и награду берет!
Мы путь свой проложим к счастьюному
маю,
к тем дням, когда встанет у власти народ!

Перевел с датского
С. БОЛОТИН.

Пьер ГАРОДИ

ФРАНЦИЯ БОРЕТСЯ

«Американцы, в Америку!», «Американцы, убирать камень с Франции, каждая дорога. Юноши, взобравшись ночью по веревкам, написали эти слова гигантскими буквами над Гердским мостом, на высоте 80 метров от земли. Другая группа самьянчиков, карабкаясь по перекиданной, вымела их на дамбе Брестского порта так, чтобы они были видны всему рейду. Юноши и девушки пикут эти слова белыми известковыми буквами на стратегических шоссе-ных дорогах Лендво, на автостраде Газр — Париж, на дорогах, ведущих из Орлеана в Шатору, — повсюду, куда приходят американцы.

Что же порождает такой гнев, почему молодежь объединяется в движение национального сопротивления? Потому, что французская молодежь первая попадает под удары тех, кто хочет поработить Францию, превратить ее в колонию.

Легом прошлого года в связи с осуществлением названного атлантической коалицией «плана Шумана» было решено перевести из уюльного бассейна Гардана (департамент

Усть Роны) в департамент Нор шахтеров, получивших назначение работать на бельгийских угольных шахтах, а в декабре этого же года правительство заявило о своем намерении перебросить шахтеров департаментов Гар и Эро в Мозель. Эти решения подобны тем, которые принимались в дни немецкой оккупации правительствам Виши, во время так называемой «службы обязательного труда».

Первой оказалась под угрозой переселения молодежи, и она первой выступила на борьбу. Молодые шахтеры приостановили работу в угольных шахтах Мартини, Мольтер, Сен Жан де Валерисон; они возлагали пикеты забастовщиков, они шли в первых рядах во время демонстраций в Але и Крессасе. А когда эти юношам с целью посеять между ними разлад сказали, что в первую очередь будут переселять алжирцев, они записали в резолюцию, принятую шахтерами Севени, гордые слова: «А угольная пыль, кислота и рудничный газ, от которых мы погибем в шахтах, разве разбирают, какого цвета у нас кожа!»



Французские студенты на митинге требуют увеличения расходов на образование.



Полицейские расправляются с молодыми демонстрантами.

Когда американцы требуют, чтобы с крестьян взимались новые военные налоги, или когда сторонники «объединенной Европы» пересоздавая немецких милитаристов, выдвигают идею создания в Европе единого сельскохозяйственного рынка путем ликвидации таможенных границ, молодежь понимает, что это прямые угрозы существованию французского крестьянства. Юноши и девушки деревни видят, во что выливается эта политика: отказ от механизации сельского хозяйства и введения новых методов обработки земли, отказ от предоставления суда дешевого кредита молодым крестьянам, желанием обзавестись собственным хозяйством, катстрофическое падение закупочных цен, сокращение сбыта сельскохозяйственных товаров... Перед крестьянской молодежью Франции нависла угроза быть согнанной с земли, политой потом ее отцов и дедов. Именно поэтому молодежь была в первых рядах тех, кто в ноябре 1953 года срубал деревья, переворачивал телеги, строил баррикады, в знак протеста преграждая движение по дорогам Франции.

Молодые солдаты в казармах и слушали офицерские школы снимают кулаки от возмущения, понимая, что политика правящих кругов ведет к тому, чтобы заставить их приехать

ствовать палачей Орадура, переодетых в форму «европейской армии», а в ожидании этого страдает в одиночестве американских наемников в Индо-Китае.

«Когда я вспоминаю, как взглянул в последний раз с высоты палубы крейсера «Турвилль» на Меконг и рисовые поля, я всегда вижу перед собой искаженное тельце маленького вьетнамского мальчика на сампране в реке», — написал Ари Мартен после своего освобождения. Вся молодежь Франции единодушно оценивает войну в Индо-Китае как войну не национальную. Достаточно взглянуть в «Журналь Оффисель» (правительственные ведомости — Прим. перев.), чтобы убедиться в том, что впервые в истории Франции офицеры приходится посылать на войну насилию, так как не находится добровольцев. Один этот факт ярко говорит о том, как расценивают эту американскую войну молодые выпускники офицерских школ Сен-Сира и Геттидана.

Когда в Шатору французские летчики были изгнаны со своего аэродрома с тем, чтобы уступить место американцам, полковник собрал офицеров у знамени в момент спуска флага и приказал спилить флажок, так как он не хотел, чтобы на нем было поднято чужое знамя. В этот день молодые солдаты, пропев хором «Марсельезу», дали клетку вступили назад, и на всех улицах Шатору они громко повторяли эту клетку.

Американцы хотят, чтобы и студенты Франции жили в нужде, потому что так легче превратить их в дешевую рабочую силу для военных предприятий или заставить служить в армии, предназначенной для агрессии. Им выгодно, чтобы французские научные учреждения, лаборатории владели нищенское существование, потому что тогда их легче заставить выполнять работы военного значения.

Кредиты, отпускаемые во Франции на народное образование, сокращаются, а за этот счет увеличиваются ассигнования на военные цели и полицию. Сейчас расходы на образование составляют настолько малую сумму в каталитическом бюджете Франции, что депутаты до сих пор еще не осмелились утвердить их.

Сотни студентов не смогли поступить в ноябре прошлого года в Парижский университет, потому что там не хватало помещений, преподавателей и необходимого оборудования. Триста двадцать студентов биологического факультета имеют для проведения практических работ всего лишь одно помещение на 30 мест. И в то же время в этот университет направляется большое число американских профессоров, прибывающих во Францию на основании так называемого «закона Фулбрайта». Эти профессора живут за счет французского правительства и пытаются превратить высшие учебные заведения в своеобразный департамент полиции.

Еще в 1950 году Морис Торез говорил: «...Нам хотят навязать университет американского типа, то-есть такой университет, в котором слово «мир» будет считаться преступлением, попыткой деморализации армии и нации, оскорблением личности министров. Поэтому студенты, единство которых с каждым днем растет, в залах университетов и на улицах борются за свои права, так же как и рабочие, крестьяне, солдаты, как все молодежь Франции. Не случайно уже несколько месяцев невец Ив Монтан, бывший докер и рабочий-машинистроитель, получая горькая одобрение тысяч молодых зрителей в театре Этуаль, когда поет в «Балладе о Париже»:

«Каждый камень твоей свободой
Служит делу защиты свободной».

В этих словах звучит уверенность, которой исполнены сердца всей французской молодежи.

Перевод с французского.



ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ... ЖИВОПИСЬЮ

Перед вами снимки, воспроизведенные две работы, представленные на выставке современной английской живописи и скульптуры, которая была организована несколько месяцев назад в Лондоне. Даже люди с исключительной способностью вряд ли смогут угадать, что здесь изображено.

Однако не будем пожать голову и обратимся к подписям, которые нанесены под каждым из этих «произведений».

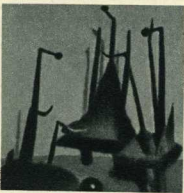
Оназывается, картина, написанная английским художником Робертом Эдварсом, называется «Два капитана». В беспорядке набросанные на холсте кривые и линии не имеют ничего общего с человеческими фигурами. Более того, они вообще ничем не напоминают тот мир, в котором мы живем.

Второе «произведение», скульптурная группа, созданная Дьюффри Кларком, — называется «Футболлисты». Только обладателю большого воображения может называть эту бесформенную груду металлического лома людьми, да еще спортсменами!

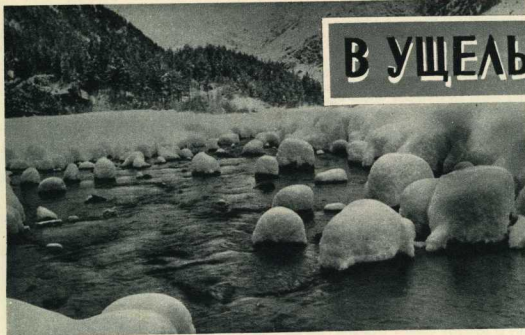
Подобное «искусство» вызывает чувство недоумения, заставляет возмущаться критичным пребрением и человеку — этому неясному источнику вдохновения для поэтов и художников.

На лондонской выставке было представлено немало произведений, создатели которых принадлежат к английской школе абстрактной живописи. Некоторые работы подобно го типа уносились премией. В частности, скульптурная группа Дьюффри Кларка «Футболлисты» получила первую премию.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что культура и искусство современного капитализма находится в состоянии полной деградации. Импералисты используют это разлагающееся «искусство» в качестве орудия одурачивания и морального растления народных масс.



В УЩЕЛЬЕ АДЫЛ-СУ



Рена Адыл-Су под снегом.

Фото автора.



В лагерь «Шхельда» прибыли первые участники.

Закончились зимние каникулы. Отдохнувшие, освеженные, студенты снова бегут на учебу. Одни отдыхали под Москвой в домах отдыха — ходили на лыжах, катались на коньках, — другие провели эти дни в походах, третьи, как, например, студент Московского художественного института Юрий Тур, старший преподаватель Понтографического института Валерий Емельянов, провели каникулы в альпинистском лагере в ущелье Адыл-Су, на Кавказе.

...Машина несется по горному шоссе Нальчик — Баксан. Чем выше, тем ближе к дороге спускаются с гор снега, местами перекивая ее. Наконец вся дорога спряталась под сугробами. Дальше ехать нельзя. Вновь прибывшие, в большинстве студенты Москвы, Ленинграда и других городов, сошли с машины и пешком, приминая глубокий снег, направлялись в альпинистский лагерь «Шхельда» ДСО «Спартак».

Дорога идет по ущелью Адыл-Су. Бешеная река не замерзает и зимой. Яростно ударяя о камни, покрытые шапками снега, несется она с гор. Вдоль тропинки, одетые в пушистые снежные шубы, выстроились сосны и буки.

Перейдя один из завалов, спортсмены углубились в лес, полный таинственного синего полусвета и тишины. Поддавшись очарованию, казалось, уснувшего леса, шли молча, любящие меняющимися пейзажами.

А вот и лагерь. Тонистые кусты барбариса, летом розовые от ягод, сейчас спрятались под белым покровом. Снег завалил веранду, и

лыжники запросто съезжают по ступенькам на лыжах.

Горнолыжник должен знать горы, как альпинист, должен уметь рассчитать режим и темп движения, как лыжник, знать технику спуска и поворотов, как слаломист.



Подъем на перевал.

Неуверенные первые шаги молодого горнолыжника. Не ободается и без неудач. Но спортсмен снова и снова отработывает неудачившийся поворот, пока не научится выполнять его на большой скорости, не теряя равновесия.

И вот уже по извилистой дистанции слалом лыжник мчится так, что флажки разметки мелькают цветными пятнами перед глазами, а финишная черта приближается с каждым разом все быстрее.

Южное солнце позволяет в середине дня ходить на лыжах без рубашки. Воздух сух, и снег весь день остается рассыпчатым. Скорость спуска не снижается.



Бывают и неудачи.

Участники сбора шифруют технику слалом. Особенно красив поворот прыжком. Не каждый его умеет делать.

Когда молодежь освоила основные приемы, наступило время для зачетного похода через перевал. Но неожиданно разбушевалась метель. Еще пару дней пережидали спортсмены, пока уляжется снег на склонах.

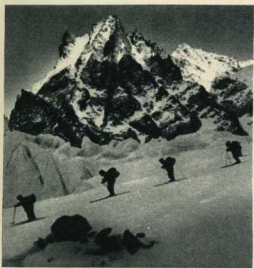
И вот раннее утро встречает колонию лыжников чистым белым снегом и тишиной, которую нарушают только шуршание лыж да скрип креплений. Лыжники подходят к ледопаду и

связавшись веревкой, осторожно преодолевают глубокие трещины, местами скрытые субтройками. Стороной обходит крутой ровный склон с нависшей снежной массой и выбираются на седловину ущелья.

Но с отдаленного склона поползла первая лавина. Еще клубилась облака оседающей снежной пыли, когда до слуха лыжников донесся грохот нового обвала. И сейчас же справа от колонны сорвался еще одна лавина, затем другая... Казалось, что шум первой лавины разбудил ущелье и оно начало свою работу, горнясь уложиться в короткий зимний день.

Внимательно осматривая рельеф, прицеливая все возможные пути, лавирая между трещинами и старыми натроможенными, отряд продвигался вперед и вперед, к показавшемуся на фоне неба перевалу — седловине в высоком горном хребте.

Вечерет. Пора сделать привал. И через полчаса на безлюдном снежном плато вырос палаточный городок. Внутри каждой палатки, уютно устроившись на стальных мешках, лыжники готовят ужин. Шипят и фыркают походные примусы, и вскоре аппетитный запах начинает пробиваться из-под крышек алюминиевых кастрюль.



Немного отдохнув, лыжники засользали вниз, к лагерю.

С перевала потянул морозный ветерок. Замялась лоземка, шурша по крышам палаток. Хлопает полощница, стряхивая морозную пыль инея на лица спящих, которых не может разбудить даже гулкий «выстрел» лонгшутера лыжника.

Поднялась луна, и пейзаж преобразился. Облитые холодным серебристо-голубым светом горы приобрели вид каких-то неземных натромождений.

В густой фиолетовой тени раннего утра лыжники поднимаются к перевалу. Прямой подъем сменяется «елочкой», затем «лесенкой». Все круче склон. Становится жарко. Откинуты капюшоны, расстегиваются брезентовые куртки штормовых костюмов. Надо успеть подняться на перевал по темному снегу.

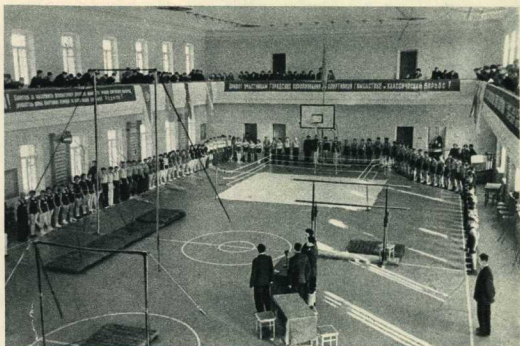
С первыми лучами солнца, скользящими вза-за выступа скалы, вышли наконец на перевал. Чужесный мир заснеженных горных хребтов и глубоких, полных синей морозной мглы ущелий открылся перед спортсменами.

С трудом оторвавшись от изумительной панорамы, лыжники осторожно начали спуск на противоположную сторону перевала, в соседнее ущелье, левее в тени. Сначала пробивались через подгорную трещину по завалившему ее лавинному снегу. Выйдя на сравнительно пологий склон, отряд быстро заскользил вниз, к телу, к лесу.

Уже в конце дня, достигнув лесной полянки, на которой устроили короткий привал, лыжники оглянулись на горы. Тонкие линии следов тянулись от седловин перевала через ледопад и, скрывшись два раза за увалами морены, четким штрихом устремлялись к лесу.

Немного отдохнув, лыжники засользали вниз, к лагерю.

М. АНУФРИОВ,
заслуженный мастер спорта СССР.



Новый спортклуб

На улицах возрожденного Сталинграда вырастают новые здания. Метрами города-героя получают уютные квартиры, к их услугам магазины, кинотеатры, клубы.

Не забыли строители и о спортсменах. Накануне 10-го года физкультурники города получили замечательный подарок — открылся новый спортивный клуб ДСО «Динамо». В клубных, отлично оборудованных

зала. В одном из них, самом большом, будут тренироваться гимнасты, баскетболисты, волейболисты, теннисисты. Второй зал предназначен для занятий штангистов, борцов, боксеров. В третьем зале, рассчитанном на десятки мест, будут читаться лекции, демонстрироваться кинофильмы.

На снимке: Парад спортсменов в день открытия клуба.



Х помощников у тети Поля.

асов, когда ничего не ший управдом занятиями своими делами; ялся томоном жильцов, на воскресни. И ка-чили! Управдом потом встал, чтобы стук и хохотель, и возмался в слышался, в каждом

му — «взгляди! звонюк! — значит, я самая главная часть часов.

— Так, так — кричались про-молвил Мясник. — А что бы вы все значили, если бы я не метался из стороны в сторону? Глав-ная часть часов — это я.

И лишь Гирька ничего не ска-зала. Она была скромнее всех.



КРОТ И НАУЧНЫЙ ТРУД



омуту. Увидев же в омуте отрешенное небо, Свинья отшатнулась и сказала: — Я не думала, что здесь так глубоко, — и пошла прочь.

МЕДВЕДЬ В БАЛЕТЕ

В балет по протекции Журвала был введен Медведь.

На первой же постановке Топтыгин оказал балету огромную медвежью услугу. Танцевал он яростно; и вприсядку, и на спине, и на боку, и даже кувыркался через голову. Когда он закончил свой танец и встал, чтобы поклониться публике, он увидел,



Участники похода в пути.

Лыжный поход

На северной окраине Ленинграда, там, где начинаются пригородные рощицы, лежит нетро-нутая пелена белого снега. Рядом качаются, осыпая иней, сосны, отряхиваются от снега замятые ели. А между деревьями, по берегам замерзших озер, пролегли лыжни. Их проложила большая группа лыжников с рюкзаками за плечами.

Еще задолго до зануника группа учащихся школ Дзержинского района города Ленинграда решила провести туристский поход по Нарель-скому перевалу. Юные лыжники тренирова-лись, тщательно готовились к походу.

И вот долгожданный день настал. Поход возглавили юные туристы районного Дома пио-неров. За шесть дней шольники прошли бо-лее 120 километров. Они отдохнули, узнали родную рощу. Вернувшись в школу, они рас-сказали своим товарищам об интересном по-ходе.



не умеют. Но они все равно ходят с клюшками в руках, чем подчеркивают свою принадлежность к спортивному миру.

Вечером, когда уже заканчиваются встречи команд и становится ясно, кто сегодня победил, на лед выходят самые старшие. Это папы и мамы, уложившие спать своих маленьких хоккеистов.

Спортивная площадка во дворе этого дома существует не первый год. Когда кончается хоккейный сезон, на нее выходят волейболисты, городошники. Благодаря спорту ребята, живущие в доме, сильно сдружились. Летом они часто проводят походы за город — в лес, на реку.

В доме, кроме взрослых, живет более пятисот ребят — дошкольников, школьников, учеников ремесленных училищ. Что бы они делали, чем занимались, если бы во дворе не было спортивной площадки?

На этот вопрос нам ответила дворник дома П. Ф. Десяткина, как ее здесь зовут, тетя Поля:

— Беда была раньше с ребятами. И хулиганили и в «расшибалку» играли. Мне даже надоело гонять их по чердакам да по лестницам. Было, так разошлись! А с другой стороны, и их жалко: ведь от безделья ребята музуются. И отапы у них идет не в отды.

Мы не случайно обратились к тете Поле. Не комитет комсомола того завода, которому принадлежит дом, и не другие организации явились душой здешней спортивной жизни, а она, тетя Поля. И двор зарылся тетя Поля, и лоски для барьера в жилдурваленин достала, и елку купила, и лампочки для елки где-то нашла, и украшения вместе с девочками сделала, и каток заводить учла ребят, чтобы лед был ровный, без бугорков.

В этом ей с особым рвением помогал Витя Платонов из команды «маленьких». Узнав, что по радио

фото А. Бочинина.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ

дашь: каток и так невелик, да еще посредине место занимает елка.

Когда стемнеет и на стабах вокруг большого поля вспыхивают прожекторы, начинаются встречи хоккейных команд. Хоккей здесь особенно популярен, и поэтому в доме живут две команды: муже правых» и «жене правых».

В первой команде Леонид Гихонин, Алексей Широков, Вячеслав Во вторую команду Самодуров.

любителей в катке и еще не кататься



В лагерь «Шхельда» прибыли первые участники.

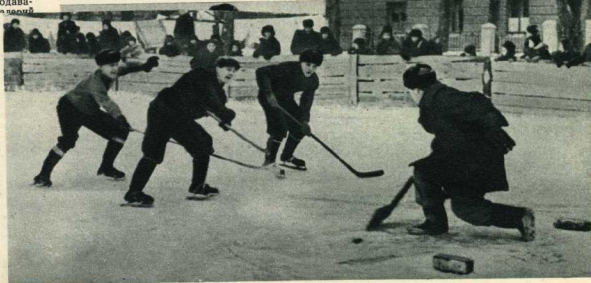
Закончился зимние каникулы. Отдохнувшие, поседевшие, студенты снова берутся за учебу. Одни отдыхали под Москвой в домах отдыха — ходили на лыжах, катались на коньках, — другие провели эти дни в походах, трезы, как, например, студент Московского художественного института Юрий Тур, старший преподаватель. В лагерь «Шхельда» прибыли первые участники.

лыжники запросто съезжают по ступенькам на лыжах.

Горнолыжник должен знать горы, как альпинист, должен уметь рассчитать режим и темп движения, как лыжник, знать технику спуска и поворотов, как слаломист.



— На этот раз... проиграли.



Хоккей здесь особенно любят.

«для больших», катая «для маленьких» и ледовой горки. Конечно, наибольшей популярностью пользуется каток «для больших». Это — хорошо залитое ледяное по-



Утром здесь катаются малыши.

будут передавать беседу, как заливать каток, он долго дежурил у приемника. А затем, прослушав передачу, побежал рассказывать своим товарищам.

Много юных помощников у тети Поли. Да и разве может быть иначе: все же делается для них самих! Но, к сожалению, спортивные площадки им еще очень редко видны во дворах домов. Начнешь говорить на эту тему с управдомом, а он тебе в ответ: «Трудно. Нет рабочих рук. А жильцов разве раскачашь?»

Специально для того, чтобы раскатать некоторых скептиков, расскажем о поучительном случае, происшедшем в Москве, в доме № 16-а по улице Писковой. Ребята из этого дома много раз обращались к управдому:

— Постройте спортплощадку! И нам хорошо будет и вам приятно. Для начала организуем субботник жильцов...

— Да разве их раскачашь! — такжно влохузу управдом и от строительства площадки... отказался. Он просто не подозревал, что люди, которых обычно называют скучным и безликим словом «жильцы», способны на высокие спортивные порывы.

Тогда юные энтузиасты пошли на хитрость и самостоятельно заготовили объявление: «Внимание! В

воскресенье, в 12 часов дня, состоится воскресник. Будем делать каток. Все на воскресник!» И ниже подписи: «Управдом».



Много юных помощников у тети Поли.

И в 12 часов, когда ничего не подозревавший управдом занимался обычными своими делами, двор огласился гомоном жильцов, вышедших на воскресник. И каток построили! Управдом потом только разозлится.

Очень бы хотелось, чтобы стук ключей, свистки судей и возгласы болельщиков слышались в каждом дворе!



...и каток заливать учила ребят, чтобы лед был ровный, без бугорков.

Валентин ИВАНОВ

БАСНИ В ПРОЗЕ

Рисунки Е. Ведерникова.

ЗАЯЦ И КАПУСТА

Однажды Слон за особые заслуги произвел Заяцка в Львы. Получив высокое звание, Заяц прежде всего облачился в львиную одежду. Закончив эту процедуру, он пошел осматривать свои владения.

Через час его нашли в бесуественном состоянии: на огороде «Лев» обьялся капустой.



СВИНЬЯ У ОМУТА

Хозяин отстал Свинью хворостиной и выгнал с огорода на улицу.

— Углюпись! Углюпись! — завизжала Свинья и бросилась к



омуту. Увидев же в омуте отраженное небо, Свинья отшатнулась и сказала: — Я не думала, что здесь так глубоко, — и пошла прочь.

МЕДВЕДЬ В БАЛЕТЕ

В балет по протекции Журавля был введен Медведь.

На первой же постановке Топтыгин оказал балету огромную медвежью услугу. Танцевал он яростно: и вприсядку, и на спине, и на боку, и даже кувыркался через голову. Когда он закончил свой танец и встал, чтобы поклониться публике, он увидел, что сцена и зал были пусты: зрители и артисты разбежались кто куда. На следующей постановке Топтыгина на сцене уже не было. Он стоял за сценой в должности... балетмейстера.

СПОР



В часах заспорили детали.

— Я самая главная часть часов, — сказала Циферблат. — Я лицо часов.

— Нет, мы самые главные части часов, — сказали Стрелки. — Мы указываем время.

— А я и без вас отбил бы время, — возразил Заводок. — Значит, я самая главная часть часов.

— Так, так, — иронически промолвил Маятник. — А что бы вы все значили, если бы я не мотался из стороны в сторону? Главная часть часов — это я.

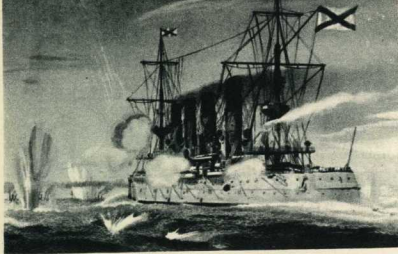
И лишь Гирька ничего не сказала. Она была скромнее всех.



КРОТ И НАУЧНЫЙ ТРУД

Крот написал научное сочинение «Влияние магнитных бурь на мигательную парельюзу курицы». Это сочинение прочитал Осел и присудил Кроту ученую степень.





ПОДВИГ «ВАРЯГА»

Это было пятьдесят лет назад — в феврале 1904 года. Два корабля русского военно-морского флота — четырехпушечный крейсер «Варяг» и небольшая канонерская лодка «Кореец» — оказались в японском заливе японской эскадры в испытательную погоню Чемульпо. Командующий японской эскадры адмирал Урину рассчитывал, что русские моряки не отважатся начать неравный бой, и предлозил им сдаться.

Русские в плен не сдались, — ответил командир «Варяга» Всеволод Федорович Руднев. Он сделал попытку спасти боевые корабли — можно было выйти в корейские воды под прикрытием нейтральных кораблей, находившихся тут же, в погоне. Однако командиром иностранных судов оказались русскими в поддержку.

Идти к Японии было неостуда. Тогда Руднев принял решение идти на прорыв. Под боевым флагом он вышел в море красная «Варяг». За ним следовала канонерская лодка. Навстречу им шли японские корабли уверенно шли вперед, туда, где на горизонте вырисовывались японские эскадры. Вода вокруг крейсера запылила от бесчисленных разрывов снарядов. Но «Варяг» шел вперед и вперед. Японцы загораживали и его орудия. От залпов русских морских выстрелов на воздущ нормовой мостки на японский «Адаму», была повреждена на котловых баши. Дым разрывов поднялся и на других кораблях противника.

Неравны были силы. На палубе

«Варяга» бушевал огонь, вражеские снаряды гудели извнутри, осколки порвали людей, одно за другим замолчали орудия. Но на месте убитых стояли новые герои. Раненые не покидали своих постов. Криком громко отвечали на огонь противника. Когда японский миноносец попытался атаковать канонерный корабль, русские командиры быстро отплатили его на дыню с каждой минутой «Варяг» получал все больше повреждений. В момент поворота крутнувшийся снаряд прошил борт, и «Варяг» получил течь.

Когда крейсер и канонерская лодка вернулись на рейд, при осмотре стало ясно, что испугать и повредить не удалось. Руднев приказал затопить корабли.

Так окончился неравный бой, в котором японцы, несмотря на огромную перевес, не смогли победить русских моряков. По всему миру разнеслась весть о славному подвиге «Варяга».

Этот подвиг, воспетый в песнях и легендах, навсегда сохранится в памяти русского народа как образцовый пример бесстрашия, верности родине, воинскому долгу и любви к Родине. Это подвиг, который подвиг русских моряков Советского государства за личное мужество и патриотизм, проявленные в бою с японской эскадрой при Чемульпо, и за доблесть матросов с крейсера «Варяг» медалями «за отвагу».

Хлебозавод-автомат

Вот на заводском дворе оставались длинный состав, грузинский вагон. Через несколько минут открыты двери вагонов, и по ленточному транспортеру движутся мешки. Лаборанты, взяв пробу, разрабатывают рецепты теста для батона, булочки разных сортов хлеба. Спешно нужно мука, вода, соли, сахара, витаминов? А мука в это время уже просеивается, опичается от примесей, пропускаясь через магнитные уставки. Затем из подвала по заварочным механизмам она подается в верхние этажи. Здесь машины месят тесто, делают его на куски, придают нужную форму. Наконец тесто в печи. Тридцать минут — и хлеб готов. Через час-другой он появляется в магазине.

По уровню автоматизации Московский хлебозавод имени И. С. Хрущева не имеет себе равных в мире. Достаточно сказать, что подучу воды, соли, сахара и витаминов на заводе выполняет лишь



один человек. На этом громадном хлебозаводе, который вымывает три тонны теста, выпекает тысячу килограммов хлеба, работает всего триста человек!

В. ИГНАТЬЕВ



СМЕНА В номере:

- Звезды кремлевские светят над нами.
Семен Сорин — Комсомолец
Миронов. Поэма.
И. Рыленков — Так приходит мастерство.
Евг. Долматовский — Поэтрубы.
Я. Загурский — «Мы не отступим!»
М. Игнатьев — Испытанный поборник мира.
И. Френкель, А. Шатров — Сердце батыра.
Александр Везьменский — На первом съезде комсомола.
М. Премьер — Две девушки.
В. Монастырев — В горах Радина.
Павел Шубинин — Чья вина? Ответ читателям.
Отто Гельстедт — Мы счастья звалием... Стихи.
Пьер Гародя — Франция боится.
М. Анурфинков — В ущелье Адыгсу.
Б. Гергов — Ленинградское шоссе, 34/92.
Валентин Иванов — Басни в прозе.

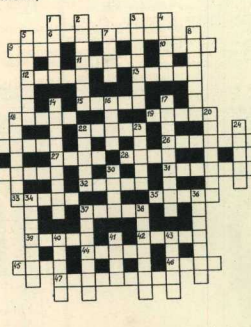
На первой странице обложки: В гости у суворовцев. Фото Я. Халина.
На четвертой странице обложки: Новый проект. Фото Г. Борисова.

КРОССВОРД

Составил М. Замкин (Москва)

- По вертикали:**
1. Вращающаяся часть электромотора. 2. Полярная птица. 3. Перечень предметов. 4. Герой пьесы М. Горького. 5. Цирковой артист. 7. Водем. 8. Курорт в Юрмье. 14. Вид бумаги. 16. Словесно-музыкальный инструмент. 18. Юрковский сосуд. 20. Морской моллюск. 21. Остров в Ионическом море. 22. Начало соревнования. 23. Родина Г. Павловой. 24. Физик на спеланти. 30. Звездчатая звезда. 34. Оперетта И. М. Стреланинова. 36. Порода сторожевых собак. 37. Один из форм стихотворения. 38. Возвышение для оратора, лектора. 40. Народная республика в Азии. 41. Состав сотрудника учреждения. 43. Документ о выполнении работы.

- По горизонтали:**
6. Спортивные соревнования. 9. Представитель национой группы. 10. Растение семейства зонтичных. 11. Плодовое дерево. 12. Роман И. А. Тонченко. 13. Отлученное стекло. 15. Финансовое обложение. 18. Силач. 19. Стих раб, прин. 22. Зависим. 25. Восхищение. 26. Оранжевый. 27. Род января. 28. Химический элемент. 29. Красное выразительное изречение. 31. Драгоценный камень. 32. Мера в а. 33. Станковое название рубина и сапфира. 35. Музыкальный термин. 37. Город в Башкирской АССР. 39. Приток Северного Дона. 42. Итальянский христианский дом. 44. Русский мореплаватель XIX века. 45. Хищная морская рыба. 46. Бомбец С. Михайлова. 47. Помещение для чтения лекций.



Оформление номера В. Урина.
Технический редактор О. Швова.



Слова М. ЛИСЯНСКОГО.

Музыка Б. МОКРОУСОВА.

По дороге степной

По дороге степной
В ногу взвод шагает,
И боец удалой
Лико запыляет.
С песней легче нам итти
По солдатскому пути,
Кто солдатом бывал, об этом знает.
Край полей и озер,
Рощи молодые,
Необъятный простор,
Горы снеговые...
Это милое края,
Это Родина моя,
За нее шли на бой сыны
России.

Сын, храня землю-мать,
Шел в огонь и воду,
Чтоб в бою защитить
Правду и свободу,
Говорила мать ему,
Словно сердцу своему:
— послужи в трудный час, мой
сын, народу!
Мы бывали в огне,
Знали зной и стужу,
Служим верно стране,
Родине мы служим,
И в ученье, как в бою,
На уроним честь свою,
Никогда и нигде солдат не
тужит.

Не грусти в тишине,
Друга вспоминая,
Помечтай обо мне,
Девушка родная,
Легче будет мне служить,
Веселей на свете жить,
Если есть на земле душа такая!
Словень нам поют,
Шалестят дубравы,
С песней в ногу идут
Воины державы,
С песней легче нам итти
По солдатскому пути,
По пути боевой солдатской
славы!

Темп походный

p *Левелла*

По до-ро-ге степной

f

Зна-ту вы-скажет, и боец у-далой ли-ко пы-ляет. С песней легче нам итти

по сол-дат-скому пу-ти, кто сол-да-тин бы-вал, об э-том зна-ет.

f

С песней легче нам итти по солдатскому пути, кто сол-да-тин бывал, об э-том зна-ет.



Рисунок И. Калиты.

Цена номера
2 руб.

